

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Гражданское право и международное частное право
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

На тему: «Особенности наследственных правоотношений, осложненных
иностраннным элементом»

Обучающийся

Н.В. Лягошина
(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

К.ю.н., доцент, А.Н.Федорова
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические основы наследственных правоотношений, осложненных иностранным элементом в России и зарубежных странах.....	8
1.1 Понятие, виды и состав наследства, осложненного иностранным элементом.....	8
1.2 Проблема выбора права, подлежащего применению к наследованию, осложненному иностранным элементом	24
Глава 2 Международно-правовые аспекты регулирования трансграничных наследственных отношений.....	39
2.1 Законодательство в сфере регулирования международных наследственных правоотношений в России и за рубежом	39
2.2 Методы регулирования трансграничных наследственных отношений.....	53
2.3 Особенности правового регулирования наследования в международном частном праве	70
Заключение	84
Список используемой литературы и используемых источников.....	88

Введение

В качестве одного из важнейших институтов гражданского права, существование которого началось с древних времен, рассматривается наследственное право. Очевидно, что судьба имущества, которым располагает любой гражданин, имеет для последнего большое значение. В сущности, право наследования указывает на тот факт, что каждый по собственному волеизъявлению может беспрепятственно определить судьбу своего имущества после смерти. Отказ же от него идет вразрез с природой права собственности, так как уход из жизни неизбежен, и в этом случае о последнем можно будет говорить, как о «срочном праве».

Увеличение числа объектов, на которые распространяется наследственное правопреемство, сегодня обусловлено наделением каждого человека правом на личную собственность и эволюцией межгосударственных связей. Это затрагивает как имущество, расположенное в пределах страны проживания субъектов наследственного права, так и имущество, находящееся за рубежом.

Современные миграционные и глобализационные процессы, а также вызванные ими случаи присутствия в наследственных правоотношениях иностранного элемента, обусловили актуализацию различных проблемных вопросов упорядочения этих правоотношений. В частности, зачастую проблемы использования права другого государства, его верного толкования, разграничением полномочий различных органов при их участии в разрешении вопросов трансграничного наследования.

Исходя из этого, актуальность данного исследования обуславливается потребностью в теоретическом анализе многих современных аспектов трансграничного наследования, необходимостью оптимизации национального законодательства, а также международно-правовых актов, регламентирующих рассматриваемый институт.

Степень разработанности темы. Различные вопросы наследственного права издавна привлекают внимание цивилистов. Большой вклад в их разрешение внесли такие авторы, как: Р.И. Виноградова, В.В. Гушин, О.В. Гренкова, В.О. Гаврилов, С.П. Гришаев, Т.Н. Зайцева, З.Г. Крылова, Л.И. Корчевская, З.И. Мозжухина, О.В. Мананников, Р.М. Мусаев, В.С. Репин, А.В. Никифоров, Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, М.В. Телюкина, К.В. Храмцов, Т.Д. Чепига и другие.

Диссертационные исследования последних десятилетий, касающиеся многих правовых аспектов трансграничного наследования, были проведены такими учеными, как: А.В. Алешина, М.С. Абраменков, А.Н. Борисова, А.М. Байзигитова, Ю.Б. Лотарева, А.Т. Мовсисян, И.Л. Папуша, М.В. Никонова, Г.А. Самаилов.

Данные авторы внесли существенный вклад в науку наследственного права, однако динамика современных правоотношений трансграничного наследования, а также существование по сей день практических проблем в данной области, указывают на необходимость проведения дальнейших исследований данной сферы регулирования.

Объект исследования составляют общественные отношения, в которые вступают субъекты трансграничного наследственного правопреемства.

Предмет исследования составляют нормы отечественного и международного законодательства, регулирующие общественные отношения, в которые вступают субъекты трансграничного наследственного правопреемства, а также соответствующие нормы некоторых зарубежных стран.

Цель работы заключается в проведении комплексного анализа института наследования, осложненного иностранным элементом, в обнаружении актуальных проблем его правового регулирования и применения, в разработке рекомендаций по устранению этих проблем.

Задачи исследования поставлены, исходя из выше обозначенной цели.

В работе потребовалось:

- рассмотреть понятие, виды и состав наследства, осложненного иностранным элементом;
- исследовать проблему выбора права, подлежащего применению к наследованию, осложненному иностранным элементом;
- провести анализ законодательства в сфере регулирования международных наследственных правоотношений в России и за рубежом;
- охарактеризовать методы регулирования трансграничных наследственных отношений;
- выявить особенности правового регулирования наследования в международном частном праве.

В процессе исследования потребовалось применение общенаучных, а также ряда частно-научных методов, среди которых большое значение отведено следующим: диалектическому, индукции и дедукции, обобщению, формально-юридическому, систематизации, статистическому, сравнительно-правовому и др.

Нормативная база работы составлена нормами Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, рядом актов международного законодательства, а также нормами законодательства некоторых зарубежных стран в исследуемой сфере отношений.

Эмперическая база исследования составлена практикой судебных органов РФ, ряда зарубежных государств, а также международных судебных инстанций, касающейся разрешения споров в сфере трансграничного наследования.

Теоретическую основу работы заложили исследования таких авторов, как: Абраменков М.С., Алексеевская А.Н., Аникина Г.В., Асосков А.В.,

Ахrameева О.В., Борисова А.Н., Войтович Е.П., Дударев А.В., Хамидуллина А. А., Зазулина Л.Д., Иншакова А.О., Исаков В.Б., Канашевский В.А., Ларина Т.Ю., Лебедева М.Л., Лукашев И.А., Любимова М.Н., Медведев И.Г., Медведев И.Г., Ярков В.В., Мейер Д.И., Мовсисян А.Т., Муртазалиева Ю.М., Новикова Т.В., Победоносцев К.П., Рубанов А.А., Самайлов Г.А., Стригунова Д.П., Нодари Д.Э., Филимонова И.В., Чшмаритян П.С., Шершеневич Г.Ф.

Теоретическая значимость исследования обусловлена теми результатами, которые получены по его итогам. На сделанные в работе выводы можно опираться при проведении будущих исследований, направленных на совершенствование правового регулирования отношений трансграничного наследования.

Практическая значимость работы состоит в том, что приведенные автором рекомендации может использовать законодатель в целях оптимизации правовой регламентации порядка наследования с иностранным элементом. Вместе с этим, результаты исследования могут быть учтены в процессе составления лекций, учебников и пособий по «Международному частному праву», «Гражданскому праву», «Наследственному праву» и иным смежным отраслям, а равно при преподавании соответствующих правовых дисциплин.

Новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем, с учетом особенностей современных общественных отношений, проведен анализ актуальных в настоящее время проблем коллизионного регулирования трансграничного наследования. Исходя из анализа правоприменительной практики выявлены недостатки правового регулирования данных отношений как в России, так и на международном уровне. Кроме того, изучены некоторые аспекты регулирования трансграничного наследования в отдельных государствах, на основании чего определены возможные направления совершенствования российского и международного законодательства в данной сфере.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Чтобы не допустить распространение на переход по наследству недвижимого и движимого имущества нескольких правопорядков в процессе раздела наследственного статута, и в целях устранения проблем, связанных с формой завещания, в ГК РФ целесообразно закрепить положение о том, что российский гражданин в завещании правомочен указать страну, закон которой он намерен распространить на наследование его имущества.

2. Сегодня требуется выработка таких унифицированных трансграничных правил, которые были бы приемлемы для большинства государств, что позволило бы защитить права и интересы наследодателей и наследников, упростило работу компетентных национальных органов по ведению наследственных дел. В частности, признание на межгосударственном уровне общей формы завещаний, обеспечивало бы ускоренное их признание завещаний. Трансграничная конвенция, устанавливающая компетенцию органов, рассматривающих дела в сфере наследования, могла бы устранить столкновение компетенций и облегчить деятельность нотариусов. В то же время, призывание стран к ратификации уже имеющихся унифицированных актов видится необоснованным, поскольку в нынешних редакциях данные акты интересы многих государств оставляют без внимания.

Структуру исследования составляют введение, две главы, охватывающие пять параграфов, заключение и список использованных источников и использованной литературы.

Глава 1 Теоретические основы наследственных правоотношений, осложненных иностранным элементом в России и зарубежных странах

1.1 Понятие, виды и состав наследства, осложненного иностранным элементом

Международная миграция граждан, обусловленная расширением сотрудничества в различных сферах между странами, порождает появление специфических правоотношений, среди которых весьма распространены отношения по наследованию, с присутствием в последних иностранного элемента.

По утверждению исследователей, «число наследственных дел с иностранным элементом все время увеличивалось, что явилось косвенным следствием миграции населения во всем мире в конце XIX и начале XX в. Не сократились данные процессы и в XXI в. Переселенцы часто связаны родственными отношениями с отдельными гражданами страны своего происхождения, что и является основой для возникновения дел о наследовании. Соответственно ученый делает вывод, что наследственные дела с иностранным элементом - это неизбежное следствие перемещения населения»[10, с. 440].

Авторы указывают, что «наследственные отношения представляют собой ту область общественной жизни, в рамках которой возникает значительная масса проблем юридического характера. В современных условиях с учетом интенсификации миграции населения, расширения сферы разнообразных международных обменов объективно усиливается необходимость правовой регламентации наследования средствами международного частного права»[1, с. 3].

Факт присутствия «иностранного элемента» в наследственных отношениях может иметь место в связи с различными обстоятельствами,

например, если у наследодателя гражданство иной страны, его имущество находится за границей и др.

В целом, «иностранный элемент» в рассматриваемых отношениях способен проявляться в ряде признаков:

- наследуемое имущество расположено в пределах границ другого государства;
- один из субъектов правоотношения является иностранным гражданином либо апатридом, либо иностранной организацией, проживает не на территории государства своего гражданства;
- юридический факт, связанный с наследственными правоотношениями, произошел в пределах иной страны (в частности, наследодатель умер в другой стране, ребенок, чьи наследственные права отстаивались до его появления, родился на территории иной страны и др.).

Сложности в отношениях, в рамках которых присутствует трансграничный субъект, возникают по той причине, что наследодатель и наследник принадлежат различным юрисдикциям. Стоит отметить, что гражданство нередко имеет только второстепенное значение. Установление факта признания человека резидентом, во многих странах происходит с опорой на законодательство в сфере налогообложения (где соответствующие средства подлежат оплате – там располагаются и жизненные интересы лица).

Трансграничная составляющая связывает правоотношения с зарубежным правопорядком посредством отношения субъектов с другой страной. В то же время, какова будет эта составляющая в определенном правоотношении, регламентируется нормативными правилами той страны, которая предусматривает допуск зарубежного закона.

Трансграничной составляющей в рассматриваемых отношениях способен стать наследник, наследодатель, а также объекты наследуемого

имущества. Во многих случаях фундаментом для установления иностранного элемента является именно имущество. Последнее служит важной составляющей в правоотношении с иностранным элементом.

По мнению Н.А. Баринова, для разрешения наследственно-правовых коллизий целесообразно применять коллизионные привязки, которые регулируют имущественные вопросы в целом[9, с. 35].

Присутствие в отношениях трансграничного элемента, указывает на необходимость референтной основы в целях установления законодательства, используемого для их регламентации. Обусловлено это в т. ч. неоднозначными подходами к регламентации института наследования в различных системах права.

В научных исследованиях имущество, входящее в состав наследства, именуется по-разному. Например, используются такие категории, как «наследство», «имущество умершего», «наследственная масса», «состав наследства», «наследственное имущество» и др. Однако, несмотря на то или иное наименование, это имущество будет состоять из объектов гражданских прав. В состав имущества наследодателя могут входить движимые и недвижимые вещи, имущественные права и обязанности, объекты, расположенные в пределах иностранного государства. Тем не менее, расположение наследственного имущества в юрисдикции другой страны, еще не указывает на необходимость применения иностранного права, поскольку в коллизионном регулировании оно подлежит последующей квалификации. Исходя из того, к какой категории конкретное имущество будет отнесено, разрешится проблема выбора используемого законодательства.

Когда в правоотношении нет иностранного элемента, то отделение недвижимых и движимых вещей не так значимо, поскольку его регулирование будет происходить с применением законодательства одного государства. Если же трансграничная составляющая в наследственных

правоотношениях имеет место, то могут появиться трудности с квалификацией наследственного имущества, что напрямую касается выбора норм конкретного правопорядка.

В случае столкновения различных правовых систем (неважно, подлежат ли использованию положения международного акта либо права определенной страны), не применяя квалификацию наследственного имущества, нельзя определить компетентный правопорядок. Другими словами, в первую очередь следует квалифицировать объекты, входящие в состав наследственного имущества, т.е. определить к какой категории относится каждый из них, а позже определить законодательство, которое будет регламентировать его переход по наследству.

А.Т. Мовсисян в своем исследовании приводит определенные ситуации, показывающие некоторые особенности квалификации наследственного имущества.

«Наследодатель - российский гражданин, был домицилирован в Армении, а наследство находится за границей - в России. Квалификация наследства будет осуществляться по российскому законодательству, согласно ст. 1205 ГК РФ, где право собственности и иные вещные права на недвижимое и движимое имущество определяются по праву страны, где это имущество находится. На основании принципа места нахождения имущества - при наличии движимого имущества будет применено армянское право, а в отношении недвижимого – российское.

Наследодатель - российский гражданин, был домицилирован в России, а наследство находится за границей - в Армении. Квалификация наследства наследодателя будет осуществляться по армянскому законодательству, согласно п. 2 ст. 1276 ГК Армении: принадлежность имущества к недвижимому и движимому имуществу, а также иная юридическая квалификация имущества, определяется по праву государства, где это

имущество находится. Таким образом, при наличии движимого имущества будет применено российское право, а в отношении недвижимого – армянское.

Наследодатель - армянский гражданин, был домицилирован в Армении, а наследство находится за границей - в России. Квалификация наследства наследодателя будет осуществляться по российскому законодательству согласно ст. 1205 ГК РФ в отношении движимого имущества будет применено армянское право, а в отношении недвижимого – российское.

Наследодатель - армянский гражданин, был домицилирован в России, а наследство находится за границей - в Армении. Квалификация наследства будет осуществляться по армянскому законодательству согласно п. 2 ст. 1276 ГК Армении, в отношении движимого имущества будет применено российское право, а в отношении недвижимого – армянское»[35, с. 165].

Это, безусловно, далеко не все возможные ситуации, но из них видно, что если какие-либо объекты, входящие в наследственное имущество, расположены за рубежом, появляется связь между законодательством страны, где расположены такие объекты, и наследственным отношением, появление которого произошло в ином государстве.

Активная деятельность субъектов трансграничного оборота сопровождается проблемами правового характера в различных сферах отношений. В настоящее время в большинстве развитых государств физические лица вправе приобретать различные виды имущества не только в своей стране, но и за рубежом. Также, как правило, не предусмотрено существенных ограничений для приобретения имущества гражданами иных государств, за рядом исключений, предусмотренных в отношении отдельных видов имущества.

В соответствии с абз. 1 ст. 1112 ГК РФ «в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности»[14].

Однако, правовой режим недвижимых и движимых вещей в правовых порядках государств имеет различия. Объекты недвижимости, возведенные в пределах границ определенной страны, в то же время состоящие правовом пространстве такого государства, воспринимаются в качестве составляющей территории страны, чья юрисдикция охватывает эти объекты. В соответствии с п. 1 ст. 134 ГК Республики Армении, «недвижимым имуществом (недвижимость) считаются земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты, леса, многолетние насаждения, здания, сооружения и иное имущество, прочно связанное с землей, то есть объекты, отделение которых от земли без несоразмерного ущерба назначению этого имущества невозможно»[15]. Иные объекты следует рассматривать в качестве движимого имущества.

В то же время в нашей стране ч. 1 ст. 130 ГК РФ регламентирует, что «к недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, жилые и нежилые помещения, и предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке»[13]. Кроме того, приведенный перечень не исчерпывающий, т. к. по указанию закона к недвижимости могут причисляться другие объекты.

Как видно, хотя по своим естественным критериям морские, воздушные суда – движимые, отечественный законодатель не признает их таковыми. Соответственно, один и тот же объект законом одного государства может быть признан недвижимым имуществом, а другого - движимым.

Таким образом, для коллизионного регулирования значим процесс квалификации имущества, образующего наследственную массу. В частности, можно привести такой пример, если гражданин РФ, проживающий и скончавшийся на территории Армении, имел в собственности воздушное судно, которое располагалось в Грузии. Исходя из п. 2 ст. 1276 ГК Армении, «принадлежность имущества к движимому и недвижимому, а также иная юридическая квалификация имущества определяется по праву государства, где это имущество находится»[15]. Здесь законодательство Армении, исходя из своих коллизионных положений, должно регулировать движимое имущество, опираясь в соответствии со ст. 1292 ГК Армении, на принцип места жительства умершего собственника. Также на регулирование указанного объекта претендует законодательство РФ, поскольку согласно последнему, он является недвижимостью, регистрация которого произведена в реестре РФ. Как видно, имеет место коллизия - на регулирование объекта претендуют два правопорядка. Уполномоченный орган Армении относит имущество к движимому, а, соответственно, его регулирование должно происходить по закону места нахождения (по закону Грузии). Одновременно законодательство Грузии отсылает к правопорядку РФ, т. к. в отношении объекта проведена регистрация в реестре РФ. Исходя из ст. 1224 ГК РФ, в рассмотренном случае необходимо опираться на отечественное законодательство.

В трансграничных правоотношениях квалификация объектов наследственного правопреемства порой сопряжена с вопросами компетенции. Иначе говоря, если перед спорящими наследниками встанет вопрос по поводу государства, чей судебный орган вправе разрешить их материально-правовой конфликт.

Когда объект, входящий в состав наследственного имущества расположен в пределах определенного государства, и оба правопорядка рассматривают его в качестве недвижимого, то коллизия исключается,

поскольку будет использовано законодательство страны, где располагается такое имущество. Здесь наблюдается совпадение судебной права, подлежащего использованию, что намного упрощает процесс перехода имущества в порядке наследования, осложненного иностранным элементом.

Полагаем, что необходимо рассмотреть и юридические факты в сфере наследственных отношений. Как известно, в качестве них выступают обстоятельства, обуславливающие зарождение, трансформацию и завершение правоотношений. Юридическими фактами могут стать действия либо события. Когда последние происходят в пределах иностранного государства, они становятся трансграничными (международными). В частности, смерть физического лица, нахождение наследственного имущества за рубежом и т.п.

С некой долей условности отнести юридические факты следует к двум разновидностям. Одни из них обладают юридической важностью для международного частного права, т.к., исходя из них, зарождается наследственное правоотношение с трансграничным элементом. В то же время другие обладают юридической важностью уже после избрания используемого правопорядка, в процессе регулирования наследственного отношения.

А.Т. Мовсисян отмечает, что в наследственном законе Армении, в качестве вышеуказанных фактов в т. ч. выступают:

- место открытия наследства;
- факт нахождения в родстве с наследодателем;
- иждивение;
- супружеские отношения с умершим;
- наличие завещания;
- отказ либо принятие наследства и др.

В случае отношений с трансграничной составляющей, когда избрано применение к наследованию правопорядка Армении, и при этом имел место отказ всех лиц от наследства, то соответствующее имущество признается выморочным. Соответственно, появляется иное отношение исходя из юридического факта, т. е. по причине действий наследников. Может возникнуть закономерный вопрос о судьбе данного имущества. Если имущество стало выморочным, то к наследованию призывается государство, чьим гражданством обладал наследодатель (это касается движимых объектов), либо государство, в пределах которого имущество возведено (если выморочное имущество отнесено в недвижимости).

Следует признать значимость доводов, высказанных В.Б. Исаковым, по поводу того, что «связь юридических фактов и правовых отношений имеет еще одну сторону: в механизме правового регулирования они могут «меняться местами», т.е. правоотношения способны выступить в роли юридических фактов»[21, с. 61]. Это говорит о том, что юридический факт лежит в основе наследственного отношения, в свою очередь, существование последнего с трансграничной составляющей также способно явиться основанием зарождения иного правоотношения. Однако, это не свидетельствует, что в качестве юридического факта следует рассматривать все правоотношения, поскольку имеются ввиду только те из них, что охватывают широкий круг социальных обстоятельств. Само наличие правоотношения уже обладает правовой силой, в частности, это касается наследственного, осложненного трансграничной составляющей.

Стоит указать, что стремление к унификации законодательств государств, входящих в бывший СССР, в настоящее время еще не достигла ожидаемых итогов, поскольку расхождения в правовом регулировании до сих пор имеются. Например, согласно ст. 46 «Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», «если по законодательству Договаривающейся Стороны, подлежащему

применению при наследовании, наследником является государство, то движимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, гражданином которой является наследодатель в момент смерти, а недвижимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, на территории которой оно находится»[28]. Однако, как уже было сказано, в процессе регулирования трансграничных отношений в сфере наследования многие проблемы связаны с тем, что квалификация объектов, входящих в состав наследства, происходит неоднозначно. В частности, одни и те же объекты могут по законодательству одной страны относиться к движимым, а по законодательству другой страны – к недвижимым. По нашему мнению, недвижимыми следует признавать только те, объекты, что обладают «тесной связью с землей». Именно этот критерий должен лежать в их разграничении. В связи с этим видится целесообразным исключить абз. 2 ч. 1 ст. 130 ГК РФ. Это не только упростит порядок наследования, в котором присутствует иностранный элемент, но и предотвратит ведущиеся долгие годы среди российских цивилистов споры по поводу критериев разделения имущества на виды.

Рассматривая особенности наследственного имущества с трансграничным элементом, следует указать на такую проблему, как управление им. После того, как наследство открылось и до принятия его минует конкретный временной период. В данный промежуток следует выявить наследников, тех, кому положена обязательная доля, соблюсти правовые формальности в целях обращения имущества в собственность и др.

Имущество в этот период располагается в неопределенном состоянии, так как старый собственник ушел из жизни, а иное лицо не успело оформить соответствующие права. Здесь имеет место некий юридический вакуум, не допускающий реализацию в отношении имущества правовых действий, включая его охрану и управление. Таким образом, есть риск присвоения имущества неуполномоченными субъектами, а, соответственно, нарушения

прав наследников и прочих субъектов, которые в его сохранении имеют определенный интерес (среди них - отказополучатели, кредиторы наследодателя). Кроме того, это способствует снижению авторитета закона и публичной власти.

На протяжении этого времени на объекты наследственного правопреемства могут посягать третьи лица, которые не относятся к наследникам по какому бы ни было основанию. Также появляется угроза нарушения интересов отказополучателей и кредиторов наследодателя, несоблюдения режима законности, что отрицательно сказывается на общественных отношениях в целом.

Еще Г.Ф. Шершеневич (известный дореволюционный исследователь в области гражданского права) указывал на потребность реализации управленческих мер, в целях обеспечения сохранности наследственного имущества, которые бы в том числе включали его учет[50, с. 625].

В то же время наследственная масса способна охватывать целые имущественные комплексы и тому подобные объекты, остановка деятельности которых чревата отрицательными последствиями для большого круга лиц. Их непрерывное функционирование - важная задача, которую необходимо выполнить на этапе оформления наследства.

Отмеченными явлениями вызвано законодательное предусмотрение такого значимого института, как управление имуществом, переходящим в порядке наследования. В этом случае отсутствует наделение управляющего правом собственности на объекты. Он только реализует совокупность мер, цель которых состоит в сохранности имущества и его функциональных возможностей.

Главные обязанности управляющего состоят в реализации надлежащих фактических и правовых действий, направленных на сбережение наследуемого имущества, на обеспечение такого состояния последнего,

которое было бы не хуже, чем до передачи в управление. При этом управляющий не вправе его применять в целях обеспечения собственных доходов и преимуществ.

Что касается международной практики управления в рассматриваемой сфере, то наиболее распространены следующие ее типовые модели. Одна свойственна государствам общего права, в ней суд назначает субъекта, которому надлежит управлять соответствующим имуществом. Здесь в фундаменте управленческих прав находится судебное решение, содержащее информацию о компетенции управляющего и о нем самом.

Другая модель получила распространение в странах романо-германского правопорядка. В этом случае управленческими функциями наделяются наследники (без учета основания наследования) либо исполнитель завещания.

Вполне очевидно, что допуск физического лица к управлению имуществом, расположенном в государстве общего права, когда управленческие права предоставлены в стране проживания управляющего, весьма проблематичен. Неполучение необходимого судебного решения способно повлечь недопуск к управлению.

Чтобы урегулировать такие расхождения, в 1973 г. рядом стран (в т. ч. Голландией, Италией и др.) заключена «Конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц»[25]. Это произошло на одной из сессий Гаагской конференции по частному праву, и документ разработан в рамках стран – ее участниц. Примечательно, что на конференции отмечалось, что вопросы трансграничного наследования обретают год за годом большую актуальность, но принятие единого документа в сфере международного наследования возможно лишь при наличии единых интересов, а последние в мировом измерении эволюционировали недостаточно.

Стоит отметить, что коллизионные наследственно-правовые положения вызваны несколькими комплексами факторов.

В первую очередь, законодательными коллизиями, по-разному регламентирующими аспекты наследования по закону. Здесь коллизионным правилам необходимо разрешить коллизии по поводу используемого права. В частности, установление наследников, процесс их вхождения в процедуру наследственного правопреемства, гарантии имущественного положения ряда категорий граждан, выделение обязательных долей.

Следующими являются коллизии, касающиеся наследования по завещанию. Здесь коллизионными нормами необходимо урегулировать аспекты наследственной дееспособности, формы, содержания завещания, его недействительности.

Наконец, еще одна группа коллизий существует в связи с различным регулированием аспектов наследования недвижимых и движимых вещей.

Весьма спорным и проблемным вопросом, присутствующим в наследственных отношениях, осложненных трансграничной составляющей, следует признать использование обратной отсылки. Здесь за образец можно принять дело Форго, в связи с которым и возникла соответствующая доктрина[55].Используется обратная отсылка в тех случаях, если суду необходимо использовать законодательство зарубежной страны. Соответствующая ситуация имеет место в процессе трансграничного правопреемства, если суд руководствуется нормами зарубежного правопорядка по поводу каждой коллизии права. Например, коллизионные положения одной страны указывают на необходимость использования закона иной страны, в свою очередь закон последней отсылает к правопорядку первой.

Проблема обратной отсылки сопряжена с определенной правовой системой, упорядочивающей трансграничные отношения наследования

свойственными ей способами и приемами, и в то же время требуется унификация положений в целях избрания права, которое бы регламентировало данные отношения.

Исследователи указывают, что обратная отсылка весьма закономерна для частноправовых отношений, в которых присутствует иностранный элемент [11, с. 15]. Такие отсылки следует признать итогом соприкосновения коллизионных положений правопорядков, а также проблемой, касающейся процедуры избрания используемого закона для упорядочения однородных отношений.

Очевидно, что унификация коллизионных положений, предусмотренная в трансграничных нормативных актах, - весьма эффективный способ регламентации отношений в сфере трансграничного наследования, в то же время стоит иметь в виду, что в регламентации отношений частного-правового характера все более увеличивается значимость материальных международно-правовых норм в соответствующей области, подвергнутых унификации.

Принимая во внимание глобализационные процессы, сегодня присутствует единая тенденция, направленная на унификацию всех материально-правовых норм, и сфера наследственных правоотношений не является исключением.

Следует сосредоточиться на том, что унификационные процессы в основном касаются традиционных гражданско-правовых институтов, в то время как аспекты, касающиеся научно-технического развития, выступают предметом национальной регламентации. Более того, последнее свойственно не всем правопорядкам.

Здесь имеются в виду наследники, появившиеся на свет после ухода из жизни биологических родителей. Так, ученые указывают, что «научный прогресс и развитие современных биотехнологий позволяют посмотреть под

иным углом зрения на ситуацию, связанную с рождением ребенка после смерти родителей»[48, с. 25], соответственно, с данного ракурса необходимо иначе рассматривать наследственное правопреемство. Есть две противоположные точки зрения, связанные как с непризнанием правомочий таких потомков, так и с наделением их полным объемом наследственных прав[3, с. 37].

В то время как права несовершеннолетнего, зачатого до момента смерти наследодателя, признаются в большинстве развитых стран (на что указывает исследование, проведенное ЕСПЧ в рамках спора «Во против Франции»[51]), поскольку ребенок будет признан наследником после появления на свет, то права несовершеннолетнего, чье зачатие произведено с применением современных достижений науки после ухода из жизни родителей (либо одного из них), как правило остаются не урегулированными в настоящее время.

Вышесказанное обуславливает появление проблем, касающихся осуществления наследственных прав и таким потомком, и иными родственниками, которые являлись наследниками ранее, до рождения данного потомка. Стоит отметить, что в Великобритании и Соединенных Штатах имеется соответствующая практика правоприменения, и в соответствии с ней, подобные дети являются субъектами наследственного правопреемства, но лишь в тех случаях, когда заранее было получено согласие субъекта, зарезервировавшего необходимый для появления ребенка генетический материал[53].

Полагаем, что унификация подходов к регулированию прав таких детей должна рассматриваться не в качестве тенденции, а в качестве вопроса, нуждающегося в разрешении международными организациями, деятельность которых касается унификации законодательства в сфере наследования.

Таким образом, «иностранный элемент» в рассматриваемых отношениях способен проявляться в ряде признаков:

- наследуемое имущество расположено в пределах границ другого государства;
- один из субъектов правоотношения является иностранным гражданином либо апатридом, либо иностранной организацией, проживает не на территории государства своего гражданства;
- юридический факт, связанный с наследственными правоотношениями, произошел в пределах иной страны (в частности, наследодатель умер в другой стране, ребенок, чьи наследственные права отстаивались до его появления, родился на территории иной страны и др.).

В состав имущества наследодателя могут входить движимые и недвижимые вещи, имущественные права и обязанности. Расположение наследственного имущества в юрисдикции другой страны, еще не указывает на необходимость применения иностранного права, поскольку в коллизионном регулировании оно подлежит последующей квалификации. Исходя из того, к какой категории конкретное имущество будет отнесено, разрешится проблема выбора используемого законодательства.

1.2 Проблема выбора права, подлежащего применению к наследованию, осложненному иностранным элементом

Несмотря на то, что вопросам избрания компетентного правопорядка, регламентирующего трансграничные отношения в сфере наследственного правопреемства, в международно-правовой науке уделялось немало внимания, по сей день не существует общепринятых подходов для обнаружения наиболее оптимальных параметров коллизионной привязки в соответствующей сфере.

Как указывает Г.А. Самайлов, «общей формулой коллизионной привязки при наследовании движимого имущества согласно российскому гражданскому законодательству является один из вариантов проявления личного закона наследодателя, а именно закон последнего места жительства наследодателя.

Существующие результаты унификации правовых понятий, используемых в практике международных частноправовых отношений, не получили общего признания, и более того, признаны очень небольшим количеством государств. Закон места жительства лица часто обозначается в международном частном праве как *lex domicilii*. Он получил совершенно неоднозначное толкование и до настоящего времени не существует единства в его определении»[45, с. 17].

По причине невыработки соответствующих общих межгосударственных стандартов, актуализируются вопросы дефиниции категории «последнее место жительства» в процессе квалификации трансграничных отношений в области наследования.

Авторы «определяют понятие *lex domicilii*, как закон государства, на территории которого данное лицо считается имеющим постоянное местожительства(оседлость). Понятие «домицилий» в национальных законодательствах и правовой доктрине стран континентальной Европы

используется редко (исключение составляют Франция и некоторые страны, придерживающиеся французской традиции гражданского права). Так, в текстах международных конвенций по различным аспектам международного частного права оно вовсе не используется.

Например, в тексте Гаагской конвенции о праве, применимом к наследованию 1989 г., которая публикуется на двух официальных языках ООН - английском и французском – используются соответственно термины *habitually resident* - обозначение лица (в том числе, как обозначение места - *habitual residence*) (анг.), *residence habituelle* (фр.)»[45, с. 17].

Особенности применения термина «домиций» «в сфере международного частного права проявляется следующим образом: в англо-американской правовой традиции оно используется, как легальное понятие для обозначения принадлежности лица к определённому правопорядку и трактуется с точки зрения наличия у лица места фактического пребывания и твёрдого намерения лица проживать в данном месте продолжительное время. Во Франции, Италии, Бельгии и некоторых других странах романской группы используется понятие «домиций» для характеристики личного закона лица в сфере регулирования частноправовых отношений, осложнённых иностранным элементом. Однако суть концепции домиция в странах романской группы отличается от позиций англосаксонского права. Учитывая исторические особенности формирования концепции домиция в странах романской группы, можно говорить о французской концепции домиция, которая принципиально сводится к понятию «место жительства»[45, с. 17].

На территории большинства европейских государств «понятие «домиций» употребляется в доктринальном аспекте, поскольку в национальных законодательствах используются зачастую иные понятия, как то «место проживания», «место пребывания», «место поселения». Исключение составляют законодательство и доктрина Франции, Италии,

Бельгии и некоторых других стран, в которых гражданское право развивалось под сильным влиянием французского гражданского права. При этом имеются два варианта употребления данного термина. Первый сводится к обозначению специфики проявления личного закона лица в сфере международного частного права в странах англо-саксонской правовой семьи и некоторых странах романской группы.

Второй вариант представляет собой синонимичное употребление термина «домиций» и терминов «место жительства» или «место пребывания».

Последний вариант является характерным и для отечественной науки международного частного права»[45, с. 18].

Категория «место жительства» используется в рассматриваемой сфере российским законодателем (ч. 1 ст. 1224 ГК РФ). Однако, в положениях ГК РФ, упорядочивающих трансграничные частноправовые отношения, дефиниция этой категории не предусмотрена.

Исследование международных документов, проведенное Г.А. Самойловым, позволило сделать вывод о том, что в них нередко применяется категория «обычное местопребывания». Так, «Гаагские конвенции оперируют данным понятием. Кроме того, оно часто используется как ключевое понятие в многочисленных документах Европейского сообщества. Также можно упомянуть о Венской конвенции о международной купле-продаже товаров 1980 г., в тексте которой употребляется понятие постоянное местожительство»[45, с. 18].

По мнению исследователя, «в российской практике при определении последнего места жительства наследодателя следует руководствоваться нормами гражданского законодательства и в каждом случае, устанавливать: место фактического пребывания; регулярность пребывания лица в данном месте; наличие социальных, семейных и экономических связей в данном

месте. Наличие или отсутствие регистрации по месту жительства, наличие гражданства или вида на жительство могут использоваться как одно из доказательств обычного или преимущественного пребывания лица в определённом месте, но лишь в совокупности с другими [45, с. 18].

Стоит согласиться, что «унификация правовых понятий в сфере международного регулирования наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, является одной из актуальных задач, которая должна предшествовать принятию международных соглашений или вступлению в них.

Конструирование коллизионных норм гражданского законодательства должно осуществляться в соответствии с принятыми в международной правовой практике обозначениями. Так, в частности, целесообразно использовать в тексте ст. 1224 ГК РФ понятие «обычное место пребывания наследодателя», которое должно толковаться в соответствии с правилами ст. 3 Гаагского соглашения о праве, применимом к наследованию»[45, с. 18].

Актуальным вопросом «в сфере применения норм ст. 1224 ГК РФ, определяющей особенности определения права, регулирующего наследственные отношения, осложненные иностранным элементом, является квалификация понятий «движимое имущество» и «недвижимое имущество». От ее решения зависит не только правильный выбор компетентного правопорядка, но также и решение вопросов, связанных с применением норм иностранного права в российской правоприменительной практике.

В тех странах, где не используется классификация вещей на движимые и недвижимые, например, в Германии, существуют иные способы классификации имущества, которые лишь по аналогии допускают применение к некоторым из них привычных для других стран делений имущества на движимое и недвижимое. Речь идет не только об отсутствии терминологических совпадений в гражданском законодательстве, но и об

отсутствии соответствующей правовой темы в научных исследованиях, в данном случае - понятие и признаки недвижимого имущества»[45, с. 19].

В пределах различных правопорядков неодинаково трактуется содержание категорий «недвижимая» и «движимая» вещь. Так, «в случае, когда в наследственную массу входит имущество, которое рассматривается российским законодательством как движимое, согласно ч. 1 ст. 1224 ГК РФ применяться к регулированию соответствующих отношений будет право страны последнего места жительства наследодателя, однако в стране, чье право будет применяться в данном случае, имущество может признаваться недвижимым [45, с. 19].

Исследователи указывают на основные препятствия, имеющие место при квалификации имущества. Во-первых, «отсутствие единых подходов к использованию понятия «недвижимое имущество». Так, например, немецкому гражданскому законодательству такое понятие неизвестно в принципе. Во-вторых, наличие разных подходов к определению состава видов имущества и имущественных прав, относимых к недвижимому имуществу.

Даже в тех странах, где законодательно не проводится деление имущества на движимое и недвижимое, существуют достаточно разработанные доктринальные толкования рассматриваемых понятий. Здесь можно выделить два типа толкований понятия «недвижимое имущество»: узкое, обусловленное свойством физической неперемещаемости объекта в пространстве, и широкое, включающее в рассматриваемое понятие также и ограниченные вещные права, вытекающие из «естественной» недвижимости, а также недвижимости в силу так называемой «высокой стоимости вещи». Правильная оценка соответствующих правовых понятий является чрезвычайно важным условием для эффективного и ненарушающего интересы участников гражданских правоотношений, осложнённых иностранным элементом, выбора и применения права»[45, с. 19].

В рамках исследований, проведенных немецкими учеными, указывается что «для целей ст. 25 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению, которой определяются правила выбора права, применяемого к наследованию с иностранным элементом, и в которой употребляется понятие недвижимое имущество, к недвижимости можно, в частности, отнести следующее:

- земельную собственность, и тесно связанные с ней объекты;
- наследственные права постройки;
- право наследственной аренды (недвижимого) имущества, дающего доход.

Анализ использования и толкования понятия недвижимое имущество в национальных законодательствах ряда зарубежных государств, включая законодательство о международном частном праве, позволяет утверждать, что данное понятие используется, как правило, лишь в сфере коллизионного регулирования частноправовых отношений по наследованию, осложненных иностранным элементом. При этом нередко отсутствуют национальные правовые концепции деления имущества на движимое и недвижимое, что существенно осложняет применение норм соответствующего права»[45, с. 19].

В некоторых государствах предусмотрено «деление имущества не на недвижимое и движимое, а на земельные участки (земельную собственность) и все, что прочно связано с ней, в том числе здания, сооружения, движимость, предназначенная для обслуживания земельных участков и прочно с ней связанных вещей, а также обусловленные той же связью с землей соответствующие имущественные права на земельный участок (земельную собственность), с одной стороны, и все остальное имущество, которое характеризуется как движимое, с другой стороны. Понятие «земельная собственность» (земельный участок) является значительно более

распространенным в гражданских кодификациях многих стран, прежде всего континентальной Европы, чем понятие недвижимое имущество»[45, с. 20].

Исходя из норм отечественного «международного частного права по вопросам наследования, деление имущества на недвижимое и движимое является определяющим фактором для выбора права, применимого к регулированию отношений по наследованию, осложненных иностранным элементом. При этом принадлежность имущества к движимому или недвижимому определяется по праву страны, где такое имущество находится»[45, с. 20].

Опираясь на то, что обособление вышеуказанных видов имущества не универсально и отсутствует во многих иностранных правовых порядках, использование положения, предусмотренного в ч. 2 ст. 1205 ГК РФ, может быть сопряжено с возникновением проблем.

В пределах стран, «которым не известно деление имущества на недвижимое и движимое, предусматривается нередко использование понятия «недвижимое имущество» в сфере коллизионного регулирования отношений, осложненных иностранным элементом. На примере ряда государств (Германия, Швейцария, страны англосаксонского права) можно говорить о специфическом употреблении понятия «недвижимое имущество» лишь в контексте коллизионного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. В случае возникновения ситуации, когда российскому нотариусу или судье необходимо применить нормы иностранного права для регулирования наследственных отношений с иностранным элементом, он должен обращаться к нормам материального права соответствующего иностранного государства. Согласно ч. 1 ст. 1190 ГК РФ любая отсылка к иностранному праву в соответствии с правилами данного раздела должна рассматриваться как отсылка к материальному, а не к коллизионному праву соответствующей страны, за исключением случаев, когда речь идет об определении правового положения физического лица.

Следовательно, нормы международного частного права соответствующего государства являются несущественными для определения принадлежности имущества к недвижимому или к движимому»[45, с. 20].

Авторы резюмируют, что «в различных странах имеются существенные расхождения не только в части наличия или отсутствия деления имущества на недвижимое и движимое, но и в определении конкретного состава видов имущества и имущественных прав, включаемых в состав недвижимости.

Так, в ряде стран к недвижимости относится не только то имущество, которое является «недвижимым» в физическом смысле, но и некоторые права, тесно связанные с так называемой «естественной недвижимостью», например, право наследственной аренды, право застройки, сервитуты. Кроме того, к недвижимости нередко относят и права участника юридического лица на долю в уставном капитале, особенно в тех случаях, когда в качестве такого вклада выступают земельные участки, здания, сооружения, жилые помещения и т.п.

Решение проблемы единообразного понимания термина «недвижимость» в сфере регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом, видится в унификации правовых понятий, что можно отчасти наблюдать в текстах налоговых соглашений по вопросам избегания двойного налогообложения доходов и имущества. При этом обращает на себя внимание и совершенно иная тенденция, проявляющаяся в текстах международных соглашений, например, Гаагской конвенции о праве применимом к наследованию, где в качестве исходного принципа декларируется идея единства наследственного имущества, т.е. не предусматривается деление имущества на недвижимое и движимое для целей определения права, регулирующего наследственные отношения с иностранным элементом»[45, с. 21].

Как указывает М.Н. Любимова, в связи использованием в отечественном законодательстве двойной коллизионной привязки, при существовании в собственности умершего недвижимости за рубежом, но за пределами страны последнего места жительства, в отношении недвижимого и движимого имущества осуществляется становление ряда отдельных наследственных режимов[31, с. 49].

Иначе говоря, в зависимости от отнесения имущества умершего к движимому и недвижимому, они отделяются в обособленные пулы, и правопреемство движимого имущества осуществляется по закону государства, где находилось последнее место жительства, а правопреемство недвижимых объектов – в соответствии с законом страны их расположения. Как результат, обособленная наследственная масса возникает в отношении каждого недвижимого объекта.

Любая такая масса, регулируется в соответствии со своими материальными нормами, является в большей степени автономной, что обуславливает разрозненное разрешение проблем, касающихся наследования имущественных объектов: круг субъектов, призываемых к наследованию, их доли, порядок приобретения наследства, управление имуществом, объем ответственности наследников, защита прав кредиторов и др. Все это устанавливается разрозненно для каждой имущественной массы, исходя из правопорядка, который на нее распространяется[37].

В целях лучшего восприятия вышеотмеченного, рассмотрим случай из практики судов.

В рамках своего апелляционного определения, суд, разрешая спор о наследовании недвижимости, расположенной в ОАЭ, отметил тот факт, что «применительно к абз. 2 п. 1 ст. 1224 ГК РФ наследование недвижимости в России и движимого имущества, независимо от места его нахождения, должно осуществляться в соответствии с материальными нормами

российского наследственного права. Однако наследование недвижимого имущества в ОАЭ, принадлежавшего наследодателю, должно осуществляться в соответствии с наследственным правом ОАЭ - страны по месту нахождения недвижимого имущества. Именно учреждения государства ОАЭ будут в этом случае компетентны оформить наследственные права на недвижимое имущество в ОАЭ. Выдача российским нотариусом свидетельства о праве на наследство по закону для действий за границей в отношении данного имущества не влечет правовых последствий даже при условии правильного установления и применения компетентных норм материального права ОАЭ, так как признание и исполнение этого акта за рубежом будет невозможно в силу отсутствия соответствующего соглашения между Российской Федерацией и ОАЭ, а также исключительной компетенции судов ОАЭ при оформлении наследства на недвижимость, находящуюся на территории данного государства»[7].

Тожественное мнение выразил иной апелляционный суд: «отказывая в удовлетворении исковых требований о восстановлении срока для принятия наследства, находящегося на территории Нагорно-Карабахской Республики, и признании права собственности на него в порядке наследственной трансмиссии, суд первой инстанции руководствовался абз. 2 ч. 1 ст. 1224 ГК РФ, а также содержащимися в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 9 "О судебной практике по делам о наследовании" разъяснениями о том, что иски, связанные с правами на недвижимое имущество, находящееся за границей, разрешаются по праву страны, где находится это имущество. Судебная коллегия соглашается с таким выводом суда первой инстанции, поскольку суд правильно применил нормы материального и процессуального права, установил имеющие значение для дела обстоятельства»[8].

Поскольку образуется ряд наследственных масс, актуализуются вопросы, касающиеся обособления обязательной доли для отдельных наследников, а также порядка их призвания к правопреемству.

В законодательстве разных стран такие вопросы регламентируются неоднозначно, однако, во всех случаях указанный институт призван реализовать социальную функцию и обеспечить помощь социально уязвимым близким умершего, а, соответственно, уменьшить социальные обязательства публичных органов.

Коллизионные положения, установленные ст. 1224 ГК РФ, используются в отношении наследования по завещанию и по закону, если не заключено международного акта, регламентирующего иной порядок. Т.е. отмеченные положения действуют и в отношении обязательной доли.

При наследовании с иностранным элементом, если в отношении объектов наследования, расположенных в РФ используется зарубежный правопорядок, может актуализоваться вопрос об использовании отечественной нормы, касающейся обязательной доли, как сверхимперативной, которой следует руководствоваться без учета используемого материального права[22, с. 805; 52, с. 414]. Нередко в среде исследователей такой подход приветствуется. В то же время, на недвижимость умершего, расположенную на территории иного государства, исходя из ст. 1224 ГК РФ отечественный правопорядок не распространяется, и соответственно, наши законодательные положения об обязательной доле не могут быть использованы [4, с. 206].

Не вызывает сомнений, что считаться сверхимперативным способно не любое частноправовое положение. По мнению Е.Ю. Петрова, хотя ст. 1149 ГК РФ призвана гарантировать близким умершего большую степень социальной защищенности, ее положения сверхимперативным и признавать не следует[41, с. 54]. Рассматривать этот спорный вопрос необходимо с

осторожностью, поскольку даже в период СССР соответствующие нормы публичным порядком не охватывались [44, с. 121].

Как уже указывалось, при наследовании с иностранным элементом нередки случаи, когда соответствующий процесс подчиняется правопорядку сразу ряда стран. Однако, в этих правопорядках положения, аналогичные ст.1149 ГК РФ, могут отсутствовать. В данном случае обостряется вопрос о защите интересов обязательного наследника, и предоставлении ему доли расположенного в иностранном государстве имущества.

На отношения наследования может распространяться как закон государства последнего места жительства умершего, так и законодательство государства, в пределах которого находится недвижимость (ст. 1224 ГК РФ). При этом, могут иметь место такие обстоятельства, когда имущество умершего располагается в России и иной стране, в то же время основные вопросы статута наследования, касающиеся наследников, наследственного имущества, выдела обязательной доли, оснований наследования и др., устанавливаются положениями разных законодательств [12, с. 43].

В отношениях трансграничного наследования выдел обязательной доли не может быть обеспечен, если в используемом исходя из коллизионных норм зарубежном законодательстве, не предусмотрено подобных ст. 1149 ГК РФ норм. В случае же существования аналогичных положений, необходимо определить комплекс всего подлежащего наследованию имущества, без учета его места расположения, в целях дальнейшего осуществления прав обязательного наследника на выделение ему соответствующей доли.

С ракурса анализируемых вопросов выделения обязательной доли, представляет интерес рекомендация, сделанная Федеральной нотариальной палатой, в соответствии с которой нотариусам рекомендован порядок определения обязательной доли тогда, когда у наследодателя помимо имущества в России есть зарубежные активы. Палата, ссылаясь на нормы ст.

1186 и 1224 ГК РФ, трансграничных соглашений, в которых участвует наша страна (регламентирующих правила об используемом праве, о полномочиях различных органов по делам наследования), исследуя частный случай, но не конкретизируя объекты имущества, расположенного за границей, и государство их расположения, резюмирует, что «исходя из приведенных норм права, если имущество, находящееся за пределами РФ, является движимым, то оно, как правило, но не исключительно, оформляется по месту открытия наследства, т.е. в данном случае в РФ, и его стоимость будет учитываться при расчете обязательной доли. Если же имущество, находящееся за пределами РФ, является недвижимым, то наследство на него оформляется в стране по месту его нахождения и по праву этой страны. Такое имущество не может входить в состав наследственного имущества, имеющегося в РФ и указанного в наследственном деле, и его стоимость не учитывается при расчете обязательной доли, выделяемой необходимому наследнику по ГК РФ»[39].

Также, с аспекта анализируемой проблемы, стоит отметить выводы одного из областных судов, указавшего, что «руководствуясь нормами права, суд пришел к правильному выводу об отсутствии законных оснований для отказа в присуждении обязательной доли в наследстве дочери, после умершего, поскольку на момент смерти наследодатель проживал в г. Биробиджане, недвижимое имущество (квартира), являющееся наследственным имуществом, также находится в г. Биробиджане Российской Федерации. Дочь наследодателя по законам Российской Федерации является нетрудоспособной, поскольку она достигла возраста, дающего право на установление трудовой пенсии по старости. Довод апелляционной жалобы о применении к спорным правоотношениям личного закона дочери наследодателя, являющейся гражданкой государства Израиль, постоянно проживающей на его территории, по законам которого она не достигла

пенсионного возраста, является несостоятельным, основанным на неправильном применении норм материального права»[6].

В рассмотренном деле правоприменитель расширенно истолковал использование отечественного правопорядка к порядку предоставления обязательной доли, вразрез с нормами ст. 1195 ГК РФ и установлением нетрудоспособности иностранца. Это свидетельствует об имеющихся юридических коллизиях в анализируемой области отношений.

Таким образом, несмотря на то, что вопросам избрания компетентного правопорядка, регламентирующего трансграничные отношения в сфере наследственного правопреемства, в международно-правовой науке уделялось немало внимания, по сей день не существует общепринятых подходов для обнаружения наиболее оптимальных параметров коллизионной привязки в соответствующей сфере.

Нередко в определении правопорядка, используемого к наследованию, значимая роль отведена выбору полномочных органов конкретной страны, которым надлежит сопровождать процедуру наследования. В повседневной жизни нередки случаи, при которых у органов ряда стран, исходя из доктрины «последнего места жительства» умершего, существуют основания считать себя полномочными на ведение наследственного дела. Например, когда умирает российский гражданин, проживающий на родине, но также имеющий недвижимое имущество за рубежом, у компетентных органов обеих стран возникают основания считаться уполномоченными на открытие наследства. Подобный случай может способствовать тому, что наследственные производства будут вестись одновременно. Стоит согласиться с мнением Е.Ю. Петрова, который указывает, что принимая во внимание тот факт, что от имеющейся компетенции нередко зависит результат наследования, подобные случаи можно применять в целях избрания более оптимального для конкретного наследника правопорядка, регулирующего наследственное правоотношение [40, с. 69]. Поскольку в

отечественном законодательстве, регламентирующем наследование с иностранным элементом, не предусмотрено ясной регламентации порядка распределения компетенции, уполномоченным органам РФ целесообразно учитывать такие ситуации.

Глава 2 Международно-правовые аспекты регулирования трансграничных наследственных отношений

2.1 Законодательство в сфере регулирования международных наследственных правоотношений в России и за рубежом

Отношения по наследованию с трансграничным элементом подлежат регламентации как нормами международного права, так и внутреннего законодательства тех государств, чьих правопорядков касается определенное правоотношение.

Полагаем, что следует определить главные подходы к установлению сути наследования, что характерны для различных стран. В правовой теории, как правило, указывается на существование ряда распространенных подходов. Один из них преобладает в государствах континентального права. Согласно ему, наследование выступает в качестве вида универсального правопреемства. Принимая наследственное имущество, субъект обретает совокупность прав и обязательств умершего, при этом принять только одну часть и отказаться от другой невозможно. По этой причине составляющее наследственную массу имущество, выступает в качестве совокупности пассивов и активов наследодателя.

Следующий подход характерен государствам с системой общего права. Он указывает на то, что в случае наследования личность ушедшего из жизни юридически перестает существовать, а его имущество подлежит ликвидации. При этом, из данного имущества в целях погашения долгов, кредитов, выполнения налоговых и прочих обязательств, происходит обособление активов. Процесс этот происходит под контролем судебного органа и называется администрирование. Когда все долговые обязательства

наследодателя окажутся погашены, его наследники могут претендовать на оставшееся имущество. Существенная разница в подходах к сути наследования, обуславливают как расхождения в законодательной регламентации фундаментальных аспектов наследования, так и определенные проблемы.

В качестве источников нормативной регламентации отношений с иностранным элементом в сфере наследования, выступают универсальные конвенции, соответствующие международные соглашения, среди которых важное значение отведено двусторонним документам, внутреннее коллизионное законодательство разных стран.

В качестве универсальных трансграничных конвенций в рассматриваемой сфере в первую очередь выступают: «Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений 1961 г.» [24]; «Конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц 1973 г.» [25]; «Конвенция о единообразном законе о форме международного завещания 1973 г.» [26] и иные.

Унифицированные нормы в исследуемой сфере на региональном уровне содержатся в следующих документах: «Кодексе Бустаманте 1928 г.» [27], «Конвенции о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.» [28], Регламенте № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании» [43], а также различных консульских и прочих конвенциях, касающихся оказания странами юридической помощи.

Внутренняя регламентация правоотношений с иностранным элементом в сфере наследования, происходит посредством принятия национальным

законодателем своих коллизионных положений. Как уже известно, в нашей стране эти нормы содержатся в части третьей ГК РФ. Также во ряде стран большая роль в регламентации рассматриваемых отношений отведена практике судебных органов.

Как можно увидеть, нормативное регулирование исследуемой сферы весьма обширно, однако, это не устраняет актуальных проблем, в связи с которыми оперативное урегулирование спорных моментов, касающихся использования норм определенного правопорядка, оказывается затруднительным.

Например, при наличии между странами двустороннего соглашения проблематика заключается в том, что в наследственном производстве могут быть задействованы правопорядки иных стран, а, соответственно, эффективность заключенного межгосударственного акта, утрачивается. Трансграничные конвенции универсального характера были бы способны урегулировать главные проблемные моменты, распространенные на практике, однако по сей день в соответствующей сфере международного права не выработано таких документов, которые были бы ратифицированы большим количеством государств. Внутренние законодательства стран базовые вопросы трансграничного наследования регулируют чаще всего весьма поверхностно и неоднозначно. В связи с этим, когда в наследственных правоотношениях появляется иностранная составляющая, актуализируется широкий комплекс вопросов, касающихся толкования таких положений и их последующего использования уполномоченными структурами иных государств.

Полагаем, что следует охарактеризовать наиболее проблемные вопросы, касающиеся законодательной регламентации рассматриваемых отношений.

Одна из проблем связана с различным определением наследственного статуса. В качестве последнего выступает право, устанавливаемое, исходя из коллизионных норм, которым надлежит руководствоваться в отношении всех вопросов осложненного наследования, а равно границы действия соответствующего права[10, с. 672].

Устанавливая во внутреннем коллизионном законодательстве положения, регламентирующие исследуемые правоотношения, государства, как правило, придерживаются одного из двух подходов. Это может быть доктрина единого наследственного статуса, когда на отношения распространяется правопорядок места жительства либо гражданства умершего. А также доктрина разрозненного статуса, когда на имущество умершего распространяются различные правопорядки. Распространение на наследственное имущество нескольких правопорядков обуславливает появление таких ситуаций, при которых на наследование одновременно распространяется ряд наследственных законов. Нередко можно наблюдать отрицательное или положительное столкновение компетенций, которое состоит в том, что в процессе использования коллизионных положений ряда правопорядков, коллизионные привязки, предусмотренные во внутренних законах стран, расходятся.

Положительное столкновение имеет место, если каждая из внутренних коллизионных привязок предусматривает отсылку к собственному национальному праву. В случае подобного конфликта компетенций у субъектов, опираясь на коллизионные положения, есть право на избрание уполномоченного органа, которое целесообразно реализовать в целях получения привилегий при разрешении дела в рамках определенного правопорядка. И.Г. Медведев указывает, что эти действия наследников и последствия, которые они несут, получили в литературе название «проблемы форум-шоппинга» [33, с. 58].

В свою очередь, отрицательный конфликт имеет место, если ни одно законодательство не считает себя полномочным рассматривать определенное наследственное дело, и при этом предусматривается отсылка к зарубежному правопорядку. Здесь актуализируются вопросы обратной отсылки.

Стоит отметить, что перед нотариусами нередко стоит проблема, касающаяся невыработки общей формы завещания, общих оснований действительности завещания и т. п. В современных странах, как правило, указана потребность в письменной форме завещательного распоряжения, а также в его заверении. Тем не менее, в ряде государств наследодатель может применить голографическую форму. Иначе говоря, собственноручно записать текст и не заверять его нотариально[49]. В частности, это можно сделать в США.

В соответствии с правом Германии, для признания действительности завещания предусмотрены некоторые особенности, связанные с наследованием супруга [30, с. 83].

Расхождения в видах завещания, их формах, основаниях недействительности, обуславливают возникновение немалых проблем в сфере трансграничного наследования. Например, по причине потребности в выявлении каких-либо юридических фактов, указывающих на действительность документа, происходит значительное затягивание процесса по времени. Несмотря на то, что подобные проблемы сегодня в некоторой степени сглаживаются универсальными международными документами, в последних, как правило, участвует незначительное число государств. В частности, в «Конвенции о единообразном законе о форме международного завещания 1973 г.» [28], принимают участие лишь двенадцать стран, а это видится неэффективным для разрешения проблем трансграничного масштаба.

Рассматривая проблемы трансграничного наследования, А. Алексеевская указывает, что в нашей стране зачастую они связаны с тем, что в законе не раскрывается категория «последнего места жительства»[2, с. 7]. Стоит отметить, что четко эта категория не регламентируется ни на международном уровне, ни в зарубежных правовых порядках. Исходя из п. 1 ст. 20 ГК РФ, им является то место, в котором субъект преимущественно либо непрерывно проживает. Как видно, имеется в виду фактическое проживание, а место последнего нередко не соответствует адресу постоянной регистрации.

Чтобы утверждать о фактическом проживании, возможно учитывать связь гражданина с данным государством, временной период проживания, наличие правового статуса (разрешение на проживание, вид на жительство и т. п.), наличие семьи и близких на территории этого государства.

Важен вопрос, касающийся места жительства работников различных дипломатических представительств. Как следует из Конвенции «О праве, применимом к наследованию в силу смерти» (наша страна не принимает участия), на правоотношения по наследованию распространяется закон страны, где умерший проживал на дату ухода из жизни, если он имел гражданство данной страны. В рамках других ситуаций, на наследование распространяется законодательство страны, гражданство которой имелось у наследодателя. При этом может быть сделано исключение, когда на дату смерти у гражданина с иной страной были более тесные связи (на правоотношения распространяется законодательство этой страны).

А. Алексеевская также отмечает проблемы в отношении правопреемства зарубежной недвижимости. Она отмечает, что в ГК РФ весьма полно отражены особенности движимого и недвижимого имущества, в то время как в иных государствах этого не предусмотрено[2, с. 7]. Более того, ряд из них и вовсе не разделяют имущество на такие категории. В частности, к наследственному праву аренды следует относиться как к

недвижимому имуществу, исходя из чего, на его наследование следует распространять закон государства нахождения соответствующего имущества. Так, в соответствии с законодательством Германии, наследственное право аренды относится к ограниченному вещному, имеющему тесную связь с объектом (земельным участком), и считается недвижимым имуществом. Иначе говоря, на наследование этого имущества распространяется закон государства, в пределах которого расположен объект аренды. Руководствоваться отечественным законодательством необходимо в случае наследования объектов, учтенных в Едином государственном реестре недвижимости.

Коллизионная привязка, касающаяся избрания используемого материального права, исходя из места жительства умершего, способна трансформироваться согласно соглашениям государств о правовой помощи. Как устанавливает «Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам», переход по наследству движимых вещей регламентируется правом той договаривающейся стороны, чьим гражданством обладал наследодатель на дату ухода из жизни. На переход по наследству недвижимого имущества также распространяется право договаривающейся стороны, в пределах которой оно расположено[17].

Итак, выбор используемого правопорядка может зависеть как от вида переходящего имущества, так и от существования между государствами действующих актов о правовой помощи.

В процессе трансграничного наследования весьма существенен анализ того факта, по какому из оснований субъект призывается к наследованию. В законодательствах многих стран предусмотрено, что если завещание не составлено, в наследовании принимают участие близкие родственники и члены семьи умершего. Как и в отечественном законодательстве, данные субъекты, как правило, образуют ряд очередей (групп, разрядов),

составляющих своеобразную иерархию. Помещение субъекта в определенную группу, устанавливает его право на наследование, а также объем последнего. Те потенциальные наследники, что относятся к одной очереди, получают право наследовать только в том случае, если нет наследников, причисленных законодателем в высшей очереди.

Например, согласно японскому закону, первая очередь наследников состоит из детей умершего. Если детей, а также замещающих их лиц (право представления), наследодатель не имеет, призывается вторая очередь наследников – родители умершего. Если их также нет, призывается третья очередь, в которую входят сестры и братья умершего.

По немецкому и швейцарскому законодательству группы наследников и порядок их правопреемства предусматривается исходя из «парантелл» (по ним разделены родственники). В Германии в первую парантеллу входят дети умершего; во вторую – его родители и их дети; в третью – бабушка и дедушка умершего и их потомки; в четвертую – прабабушки, прадедушки умершего и их потомки; в пятую – прапрабабушки, прапрадедушки и их потомки.

По французскому праву, на основании закона имущество умершего наследуют его супруг и родственники. Если у наследодателя нет пережившего супруга, его родственники подлежат разграничению по разрядам. В высший разряд входят дети умершего и их потомки, во второй – родители, сестры и братья умершего, а также потомки последних, в третий – родственники умершего по восходящей линии, в четвертый – боковые родственники, за исключением сестер и братьев.

В правопорядке Швейцарии предусмотрена модель, аналогичная ранее рассмотренной немецкой. Существуют три парантеллы по которым распределяются родственники. В первую входят потомки наследодателя, которые наследуют в одинаковых частях. Согласно праву представления, имущество может перейти к нисходящим потомкам детей.

Что касается находящегося в живых супруга, то он подлежит включению в ту группу наследников, которая призывается к наследственному правопреемству.

Правопорядок Польши относит к первой группе наследников супруга и детей умершего. Если кровных нисходящих потомков он не имел, то к наследованию призывают его супруга, родителей, сестер и братьев. Если вышеназванных родственников и их нисходящих потомков нет, весь объем наследственного имущества переходит к супругу.

Как следует из п. 2 ст. 1224 ГК РФ, «способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права»[14].

В настоящее время получили распространение разные формы завещаний, однако, самым распространенным следует признать письменное завещание с публичным удостоверением (его составление происходит с участием компетентных органов, а также некоторых должностных лиц). Также часто применяются завещание, подписанное свидетелями и собственноручное.

Рассмотрев особенности международного регулирования и законодательства некоторых стран, касающихся ряда аспектов наследования, в т. ч. трансграничного, мы смогли выделить ряд проблемных вопросов. Полагаем, что необходимо также рассмотреть оптимальные пути разрешения некоторых из этих актуальных вопросов.

Чтобы не допустить распространение на переход по наследству недвижимого и движимого имущества нескольких правопорядков в процессе разделения наследственного статуса, и в целях устранения проблем, связанных с формой завещания, в ГК РФ целесообразно закрепить положение о том, что российский гражданин в завещании правомочен указать страну, закон которой он намерен распространить на наследование его имущества. Схожие положения имеются в Регламенте № 650/2012 Европейского парламента и Совета ЕС от 4 июля 2012 г. «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании»[43]. Этот документ используется в целях региональной коллизионной регламентации наследования с иностранным элементом в государствах – членах ЕС. Предусмотрение этого в отечественном законодательстве способствовало бы преодолению коллизионных вопросов, обретающих актуальность при трансграничном наследовании.

Кроме изменений действующего законодательства РФ, в качестве эффективного способа преодоления проблемных аспектов осложненного иностранной составляющей наследования, по мнению И.Г. Медведева, может послужить внедрение ряда форм «планирования международного наследования»[32, с. 172]. Отвергаемый некоторыми исследователями институт, возможно применить в целях более упрощенного и оперативного разрешения наследственного дела. Представляется, что он упрощает и деятельность нотариусов, связанную с установлением их компетенции, и последующую процедуру вступления в наследство правопреемников. Надо отметить, что сущность такого планирования заключается в том, что будущий наследодатель с помощью соответствующего специалиста устанавливает в отношении каждого объекта наследственного имущества наиболее оптимальный способ его перехода по наследству.

Планирование трансграничного наследования целесообразно осуществлять с момента появления в правоотношениях осложняющего их элемента. Также это может быть сделано, если наследодатель уже участвует в различных отношениях с присутствием трансграничной составляющей, и требуется установить схему перехода имущества к правопреемникам. Отмеченная процедура способствует предотвращению столкновения компетенций, распространив на трансграничное наследственное правоотношение общий статут.

Между тем исследователи отмечают, что практическое применение ряда видов планирования трансграничного наследования, способно привести к отрицательным результатам, состоящим в изменении правил подсудности наследственных споров и нарушении интересов ряда бенефициаров трансграничного отношения. В этой связи следует внедрять в практику и адаптировать только определенные формы планирования.

Так, посредством «заключения супругами брачного договора, определяющего судьбу иностранного имущества, права пережившего супруга и иные аспекты. Чтобы упростить путем заключения брачного договора будущую процедуру наследования супруги прямо указывают в договоре право, которое они хотят применить к определению их прав и обязанностей. Из-за того, что данная форма планирования на данный момент доступна не всем гражданам, т.к. национальное законодательство многих стран предоставляет возможность выбора применимого к имущественным отношениям права только брачным парам, не имеющим общего гражданства или совместного места жительства, представляется возможным использовать договор дарения как альтернативу брачному договору. Привлекательность использования этого договора связана с тем, что стороны обладают автономией воли и сами могут выбрать подходящий им правовой порядок. Вместе с тем, кажется оправданным внести изменения в национальное законодательство в части предоставления супругам при заключении ими

брачного договора автономии воли по определению применимого права к их отношениям. Могут также использоваться и иные формы планирования международного наследования, не направленные на ущемление прав заинтересованных лиц.

В идеале и при должной помощи со стороны нотариуса или специалиста в данной сфере применение одной или сразу нескольких форм планирования международного наследования позволит предотвратить возможные противоречия, связанные с применением материального права нескольких государств, минимизировать риски, связанные с ущемлением прав наследников, а также поможет упростить порядок принятия наследства и сократить расходы, связанные с доказыванием юридических фактов в судах различных государств. Конечно, следует учитывать, что данный способ не поможет полностью устранить проблемы, обозначенные в данной работе и не будет являться универсальным для всех случаев трансграничного наследования, но при этом, его развитие сможет облегчить проведение процедуры трансграничного наследования для многих наследников, которые не имеют средств на продолжительные судебные процессы, для наследодателей, имеющих большое количество активов за рубежом, а также поможет упростить работу компетентных органов государств по разрешению наследственных дел. В связи с этим, видится, что развитие данного института необходимо, т.к. его привлекательность для субъектов рассматриваемых отношений достаточно велика»[19, с. 70].

Таким образом, в качестве источников нормативной регламентации отношений с иностранным элементом в сфере наследования, выступают универсальные конвенции, соответствующие международные соглашения, среди которых, важное значение отведено двусторонним документам, внутреннее коллизионное законодательство разных стран.

Трансграничные конвенции универсального характера были бы способны урегулировать главные проблемные моменты, распространенные

на практике, однако по сей день в соответствующей сфере международного права не выработано таких документов, которые были бы ратифицированы большим количеством государств. Внутренние законодательства стран базовые вопросы трансграничного наследования регулируют чаще всего весьма поверхностно и неоднозначно. В связи с этим, когда в наследственных правоотношениях появляется иностранная составляющая, актуализируется широкий комплекс вопросов, касающихся толкования таких положений и их последующего использования уполномоченными структурами иных государств.

Для устранения многих проблем, касающихся использования зарубежного правопорядка при появлении конфликта в рассматриваемой сфере, необходимо развивать соответствующее международное частное законодательство. На сегодняшний момент требуется выработка таких унифицированных трансграничных правил, которые были бы приемлемы для большинства государств, что позволило бы защитить права и интересы наследодателей и наследников, упростило работу компетентных национальных органов по ведению наследственных дел. В частности, признание на межгосударственном уровне общей формы завещаний, обеспечивало бы ускоренное их признание завещаний. В свою очередь, трансграничная конвенция, устанавливающая компетенцию органов, рассматривающих дела в сфере наследования, могла бы устранить столкновение компетенций и облегчить деятельность нотариусов. В то же время, призывание стран к ратификации уже имеющихся унифицированных актов в целях ликвидации актуальных проблем в сфере трансграничного наследования, видится необоснованным, поскольку в нынешних редакциях данные акты интересы многих государств оставляют без внимания.

Вполне вероятно, что сегодня сложно четко определить единый способ решения проблем трансграничного наследования, поскольку институт наследования, берущий истоки с древних времен, во многих странах

обладает национальным характером, особыми свойствами, обусловленными ценностями конкретного общества и государства. В этой связи, самим гражданам необходимо учитывать правовые реалии, и в целях минимизации проблем правопреемства, с которыми предстоит столкнуться будущим наследникам, использовать планирование в рассматриваемой сфере отношений.

2.2 Методы регулирования трансграничных наследственных отношений

В качестве основного метода регулирования трансграничных наследственных правоотношений, следует рассматривать коллизионный метод, поскольку различным правовым порядкам свойственны существенные различия в этой области.

Стоит согласиться с мнением О.В. Ахрамеевой, что в связи с вышесказанным формирование единых материально-правовых положений в этом случае выступает весьма трудной задачей [5, с. 357]. Аналогичное мнение и у других исследователей, указывающих, что расхождения законодательств в сфере наследования так существенны, что унификация на уровне международного права фактически невероятна. Более реальна унификация либо конкретных положений, либо на региональном уровне – в отношении стран со схожими правовыми порядками [47, с. 136].

Полагаем, что эта точка зрения не вполне верна, поскольку существуют примеры унифицированных актов. Так, в качестве такого акта, содержащего материальные нормы в области наследственных отношений, выступает «Вашингтонская конвенция, предусматривающая Типовой закон о форме международного завещания 1973 г.» [23]. Однако, стоит согласиться, что полной унификации в рассматриваемой сфере достичь невозможно.

Трансграничные наследственные правоотношения едва ли не самые проблемные по юридической природе, нормативной регламентации, практике применения, поскольку на них активно воздействуют обычаи, культура, религия, преобладающие в определенной стране. По правовой природе отношения наследования входят в ту сферу, чье регулирование в основном происходит с опорой на внутреннее законодательство. Стоит согласиться с известным исследователем, указавшим на то, что «наследственное право представляет собой типично национальную правовую материю» [54]. Отечественные цивилисты также поддерживают данную точку зрения. Например, Д.И. Мейер отмечал, что «право наследования у каждого

народа своеобразно, так что положения одного законодательства не применяются к другим» [34, с. 672].

По мнению другого отечественного ученого, исследовавшего в т. ч. Наследственные отношения с присутствием иностранного элемента, - «понятия, обычаи и законы разных народов представляют величайшее разнообразие. Они так тесно связаны с внутренними условиями местного воззрения и развития, что нет возможности определить общими чертами порядок наследства» [42].

В каждой стране указанная правовая отрасль относится к области частноправовых отношений, по поводу которых зачастую ведутся научные споры о юридической природе, значении в правовой системе и т.п. Например, нет единых подходов к тому, следует ли признать его целой отраслью, либо подотраслью, либо целесообразнее рассматривать как правовой институт. Нет общего мнения о соотношении с правом собственности, с институтом вещных прав, с обязательственным правом. Безусловно, такое положение дел отражается на эволюции международного наследственного права, деятельность по унификации которого оказывается на уровне чего-то нереального.

Ранее мы перечисляли международные акты в рассматриваемой сфере, однако, их эффективность крайне мала, т. к. в них участвует малое число государств. По мнению авторов, «унифицированные международные правовые акты в сфере наследования практически отсутствуют, кроме Конвенции, устанавливающей единообразный закон о форме международного завещания 1973 г. и множества двухсторонних соглашений о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Российской Федерацией заключено достаточное количество подобных договоров, к примеру с Республикой Румыния, Черногорией, Болгарией и т.д.) в которых помимо прочих вопросов освещены нормы, относящиеся к выбору права наследования»[29, с. 56].

В настоящее время в сфере трансграничного наследования актуальность приобрели некоторые первостепенные проблемы.

Во-первых, это отсутствие единого мнения о правовой природе наследования. В странах романо-германского права оно рассматривается в качестве вида универсального правопреемства. В государствах англосаксонского права им считается распределение между наследниками активов умершего.

Во-вторых, отсутствие единых подходов к кругу наследников, который помимо граждан иных стран может охватывать апатридов, иностранные государства и организации, международные организации.

В-третьих, разная правовая регламентация видов наследников и соответствующего правового статуса данных субъектов. Это может способствовать появлению ситуации, при которой в государстве личного закона гражданин наследником не признается, а в государстве открытия наследства рассматривается в качестве наследника.

В-четвертых, неоднозначное содержание правоспособности субъектов, вступающих в наследство.

В-пятых, период времени, отведенный для вступления в наследство, а также критерии его увеличения, во многих странах не совпадают.

В-шестых, исходя из пола наследника, могут быть предусмотрены разные доли в наследственном имуществе.

Преодоление указанных проблем весьма проблематично, так как наследственное законодательство определенной страны имеет особенности (во многом связанные с обычаями, культурой, религиозными убеждениями), ему свойственна консервативность, законодательные корректировки происходят нечасто, лишь если социум к ним подготовлен. Так, в нашем законодательстве шесть лет назад появилась норма п. 4 ст.1118 ГК РФ, касающаяся совместного завещания супругов.

Однако перед этим долгие годы велись дискуссии о необходимости введения института совместного завещания в российский правовой порядок. Многие теоретики и практики анализировали опыт иностранных государств, их правовое регулирование совместного завещания. Также изучалась правоприменительная практика в тех государствах, в которых уже длительное время существует соответствующий институт. Наконец после многолетних обсуждений и споров, ГК РФ оказался пополнен новой нормой.

Вместе с этим, преодоление вышеуказанных проблем весьма затруднительно, поскольку публичный порядок образует преграду для полноценного осуществления наследственных отношений, способствует возникновению на публичном уровне «однобоких» отношений (в случаях, когда в одном государстве отношения возникают, имеют место, но в другом, о них не знают). В частности, в некоторых исламских государствах супругу отведена главная роль в наследовании, исключительно он вправе наследовать недвижимость, его часть в несколько раз превышает часть супруги и т. п. Тем не менее эти особенности, преобладающие в государствах востока, при наследовании с иностранным элементом соприкоснуться с термином публичного порядка, и не смогут осуществляться во многих современных государствах. Иначе говоря, будут способствовать появлению «однобоких» отношений.

Коллизионному вопросу в исследуемой сфере будет свойственна многоаспектность. Ее выражает тот факт, что есть такие понятия, как основной и предварительный коллизионные вопросы. В практической деятельности это также наблюдается. При открытии наследственного дела, нотариус, либо впоследствии судья, решает предварительный вопрос, чья суть заключается в том, что перед определением правового порядка, распространяемого на правоотношение в сфере наследования, следует с аспекта избрания правового порядка провести анализ существующих, как правило, семейных отношений. Иначе говоря, перед разрешением главного

вопроса, касающегося наследования, вышеуказанным субъектам следует урегулировать вопрос об избрании законодательства по зависимым отношениям, возникшим перед наследственными. Распространены случаи, когда в предварительном вопросе присутствуют отношения в области семейного права. Существование такого коллизионного вопроса образует большую проблему при наследовании с иностранным элементом, поскольку помимо многоаспектных, спорных правоотношений в сфере наследования, имеют место семейные, чье решение также сопряжено с публичным порядком.

Из-за малого числа унифицированных документов в области наследования, коллизионный метод служит главным, и нередко единственным в регулировании рассматриваемых правоотношений. Воздействуя на отношения с трансграничной составляющей, коллизионный метод отсылает к внутреннему законодательству конкретного государства, принимающего участие в наследовании, а порой и к законодательству ряда государств, что вновь указывает на проблематичность правового механизма исследуемого метода регулирования.

Как известно, в ГК РФ предусмотрена единственная статья, регулирующая трансграничное наследование. В ней установлено, что на правоотношения будет распространен закон государства, в котором находилось последнее местожительства умершего, за исключениями, предусмотренными ниже.

Согласно этим исключениям, к наследованию недвижимости необходимо применять закон государства его нахождения. В случае же включения объекта в российский государственный реестр – российское законодательство. Определение вида имущества согласно правилам квалификации, предусмотренным ст. 1205 ГК РФ, произойдет по закону государства его места нахождения (помимо указанного в государственном реестре). В то же время ст. 1224 ГК РФ указывает на завещательную

способность гражданина, устанавливаемую согласно закону страны, где находилось его место жительства на момент составления документа. Из смысла данной нормы следует, что на формы завещания тоже будет распространяться законодательство места составления последнего.

Из действующего законодательства следует, что в сфере наследования на граждан иных стран, за рядом исключений, распространяется национальный режим. В законодательстве РФ, помимо ст. 1224 ГК РФ, не предусмотрено коллизионных положений в области наследственного правопреемства. В положениях статей 1195 и 1197 ГК РФ предусмотрены общие аспекты коллизионного права.

Стоит отметить, что в нынешнем законодательстве не упоминается и не раскрывается термин «наследственный статут», а, соответственно, не закреплён комплекс составляющих его вопросов. Между тем в теории эта категория упоминается, а в её содержание входят состав наследства, условия его открытия, объём долей в имуществе наследодателя, очередность наследников [22, с. 839]. Такое положение дел свидетельствует о плохой проработанности в законе аспектов наследования с иностранным элементом. Исходя из этого можно резюмировать, что ст. 1224 ГК РФ в недостаточной степени приводит коллизионные положения, призванные упорядочить трансграничное наследование.

В то же время, в целях регулирования международного наследования в ряде государств действует совокупность коллизионных привязок. Авторы отмечают, что «на региональном уровне регулирования каскадная система привязок сформирована, а в качестве примера можно указать Регламент ЕС № 650/2012 от 04 июля 2012 г. о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, а также преемственности и об исполнении подлинных документов в области наследования и о введении европейского свидетельства о правах на наследство» [29, с. 56]. Упомянутая система предусматривает установление коллизионных положений в некоторой

очередности, предлагающей ряд способов урегулирования вопроса. Способ урегулирования может исходить из особенностей правоотношения, это предоставляет возможность избрания наиболее подходящей модели. Полагаем, что ст. 1221 ГК РФ можно рассматривать в качестве образца такой модели для нашей страны.

Исследователи указывают, что «в мировой практике закрепления в правовых актах, направленных на регулирование частноправовых отношений «каскада» коллизионных привязок на первое место выходят Регламенты «Рим I» и «Рим II», которые наглядно показывают эффективность системы «каскада» коллизионных привязок, учитывая в отдельных случаях и публичные интересы (ценности, на которые законодатель указал правоприменителю и которыми он руководствовался при создании норм). Названные Регламенты являются «классическими» примерами современных тенденций развития коллизионного регулирования, которые показали насколько сокращается время разрешения спора правоприменителем при применении «каскада» коллизионных привязок, насколько редко возникают случаи невозможности установления норм иностранного права и тем самым использования закона страны суда как единственной коллизионной привязки, указали на многовекторность при разрешении спорного правоотношения, предоставили выбор права сторонам при регулировании своих правоотношений и многое другое. Также «каскадная» система коллизионных привязок, сформированная законодателем, позволяет ему закрепить определенные модели регулирования правоотношений, предоставляя сторонам возможность выбора из набора коллизионных привязок, тем самым ограничивая применение автономии воли сторон (в том случае, если автономия воли сторон не выступает в качестве коллизионной привязки), что является несомненным преимуществом для самого законодателя»[29, с. 57].

Также стоит отметить, что ст. 1224 ГК РФ не содержит положений о возможности избрания правопорядка при составлении завещания. Исходя из

этого следует заключить, что свобода волеизъявления в этих отношениях не предусматривается. В отношении оставленного в нашей стране завещания будет действовать лишь отечественный правопорядок. Подобный подход законодателя в общем виде ясен, поскольку здесь воздействуют положения ст. 1192 ГК РФ, являющиеся сверхимперативными. Тем не менее, в правопорядках некоторых государств допускается и эффективно используется свобода воли избрания законодательства при составлении распоряжения. Хотя по разным вопросам перехода имущества по наследству там также предусмотрены сверхимперативные положения. Несмотря на то, что законодатель не решается на кардинальные изменения ст. 1224 ГК РФ, в теоретических исследованиях не раз указывалось на потребность расширения ее положений.

Таким образом, сегодня в нашей стране не наблюдается тенденций для регламентации эффективной системы коллизионных привязок для регулирования трансграничного наследования, что следует считать существенным упущением. Специфика регулирования рассматриваемой области отражена в единственной ст. 1224 ГК РФ, а, соответственно, действующее законодательство нуждается в изменениях и дополнениях.

Как уже было отмечено, один и тот же объект, входящий в наследственную массу, в одной стране может квалифицироваться в качестве движимого имущества, в то время как в другой – рассматриваться в качестве недвижимого. Расхождения весьма значительные наблюдаются между правовыми семьями. Так, в частности, согласно испанскому законодательству деньги не относятся движимому имуществу[36, с. 70].

На территории государств «англосаксонского права наследование движимого и недвижимого имущества разграничивается. Деление имущества на движимое или недвижимое происходит по коллизионному принципу «закон местонахождения вещи». В США также действует данный принцип. Квалификации вещи на движимое или недвижимое имеет важное значение

при наследовании. Например, по законодательству Эстонии дом, находящийся на земельном участке, не являющейся собственностью наследодателя, будет считаться движимым имуществом.

Исходя из данного примера, необходимо обозначить то, что в ходе правового регулирования наследственных отношений происходят коллизии не только в процедуре наследования, но и на самых ранних этапах в квалификации самого имущества. В доктринальной науке подчеркивается, что коллизионные нормы, содержащиеся в п. 1 ст. 1224 ГК РФ на практике лишают наследство таких его существенных характеристик, как целостность и единство» [36, с. 71].

Стоит отметить, что «подчинение имущества наследодателя различным правопорядкам в трансграничных правоотношениях приводит к ситуации, когда к наследованию имущества могут быть применены одновременно два и более наследственных закона. В этом случае может возникнуть позитивный или негативный конфликт компетенций, выражающийся в том, что при применении коллизионных норм нескольких правопорядков происходит расхождение между коллизионными привязками, закрепленными национальным законодательством государств.

Позитивный конфликт возникает, когда каждая из представленных в конкретном деле национальных коллизионных привязок отсылает к своему внутреннему материальному закону. Проблема такого конфликта компетенций состоит в том, что у истца появляется возможность выбора компетентного суда, исходя из существующих коллизионных норм, которая может быть использована им для извлечения наибольшей выгоды при рассмотрении дела в конкретной юрисдикции,

Негативный конфликт возникает, когда ни один правопорядок не признает себя компетентным для разрешения конкретного дела, отсылая к

праву другой страны. В данном случае возникает проблема обратной отсылки»[36, с. 71].

Для устранения многих проблем, касающихся использования зарубежного правопорядка при появлении конфликта в рассматриваемой сфере, необходимо развивать соответствующее международное частное законодательство. На сегодняшний момент требуется выработка таких унифицированных трансграничных правил, которые были бы приемлемы для большинства государств, что позволило бы защитить права и интересы наследодателей и наследников, упростило работу компетентных национальных органов по ведению наследственных дел. В частности, признание на межгосударственном уровне общей формы завещаний, обеспечивало бы ускоренное их признание завещаний. В свою очередь, трансграничная конвенция, устанавливающая компетенцию органов, рассматривающих дела в сфере наследования, могла бы устранить столкновение компетенций и облегчить деятельность нотариусов. В то же время, призывание стран к ратификации уже имеющихся унифицированных актов в целях ликвидации актуальных проблем в сфере трансграничного наследования, видится необоснованным, поскольку в нынешних редакциях данные акты интересы многих государств оставляют без внимания.

Рассмотрим судебную практику по разрешению споров, касающихся трансграничного наследования.

«Вдова гражданина Турции, наследница по закону, подала иск к банку о признании права собственности на денежные средства в порядке наследования по закону. Счет открыт супругом Б., скончавшимся в 2009 г.

Вдова обращалась в суд Турции, где жил супруг, подтвердила факт принятия наследства: за истцами (действовала не только в своих интересах, но и несовершеннолетних детей) признано право собственности на все имущество в порядке наследования после смерти Б.

Истцы намерены оформить права на наследственное имущество, но в решении турецкого суда отсутствует перечень наследственной массы, входящей в состав наследственного имущества. Решение не свидетельствует о том, что за наследниками признано право на деньги на счете, открытом на имя наследодателя, поэтому истцы не могут получить их в банке.

Суд первой инстанции сделал вывод, что решение турецкого суда не имеет преюдициального значения, поскольку Договор о взаимном оказании правовой помощи между РФ и Турецкой Республикой по гражданским, торговым и уголовным делам не вступил в силу, а позже и намерение вступления признано нецелесообразным.

Суд отказал в иске, так как: не представлено доказательств обращения истца с заявлением о принятии наследства после смерти Б. к нотариусу в течение 6 месяцев со дня смерти наследодателя как доказательств фактического принятия наследства; истцом определен ненадлежащий ответчик.

Суд вышестоящей инстанции поправил коллег.

Местом открытия наследства является последнее место жительства наследодателя (согласно ст. 1115 ГК РФ.). Отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства (в соответствии с п. 1 ст. 1224 ГК РФ). Наследование недвижимости определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование недвижимости, внесенной в госреестр в РФ, - по российскому праву.

Б. не имел недвижимости в РФ, поэтому к отношениям по поводу наследования имущества Б. применяется законодательство Турции. Следовательно, наследство истцами принято в соответствии с решением суда Турции. Факт принятия истцами наследства подтвержден и ответом нотариуса РФ: оснований участия российского нотариуса в оформлении

наследственных прав в движимом имуществе гражданина Турции Б. не имеется.

Апелляционный суд определил надлежащего ответчика - ТУ Росимущества, отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований. После замены ответчика исковые требования истцов судом удовлетворены»[16].

В ином споре, деньги наследодателя были размещены в испанском банке.

«Дочь наследодателя Б., гражданка О., обратилась в суд с иском о признании права на супружескую долю и разделе общего имущества к наследникам первой очереди по закону, принявшим наследство: жене и дочерям скончавшегося.

Б. умер в 2013 г., в том же году истец обратилась к нотариусу с заявлением о принятии наследства. В 2017 г. получила свидетельство о праве на наследство по закону для подтверждения права на наследство за пределами РФ, согласно которому она является наследницей имущества умершего Б. в 1/4 доли, в чем бы оно ни заключалось, где бы ни находилось за пределами РФ.

Истец обратилась с заявлением к нотариусу Испании о принятии наследства, получила нотариальный акт о принятии наследства к имуществу умершего Б.

В браке супругами в равных долях приобретена квартира в Плайя-дела-Арена, в испанском банке открыт совместный счет-1 (доля (с учетом иных наследников, принявших наследство, от денежных средств, находящихся на счетах на день смерти наследодателя) истца 1/8), наследодателем Б. открыт счет-2 (доля истца 1/8).

Истец считает, что отцом был открыт счет-3, и, поскольку ответчик не заявил о выделении супружеской доли в отношении данного счета, доля истца составляет 1/4.

Истец просила суд: включить в состав наследственного имущества деньги (денежные средства с причитающимися процентами, находящиеся на счету испанского банка, на день смерти наследодателя) на счете-3, признать за ней право собственности на 1/4 денежных средств; признать за ней право собственности на 1/8 денег на счете-2 и счете-1.

Третье лицо, гражданин Л., заявило самостоятельные требования к истцу о признании права собственности на денежные средства.

В 2017 г. истцом и Л. оформлена взаимная генеральная доверенность без права передоверия. Той же доверенностью заявители предоставили гражданке Ц., переводчику, специальную доверенность, которой уполномочили управлять имуществом, принимать и передавать наследство, признавать, принимать, оплачивать и взимать долги и расписки, обращаться за составлением нотариальных актов.

После оформления О. прав на наследство был составлен документ о передаче в счет погашения долга, согласно которому истец (от имени которой действовали на основании генеральной и специальной доверенности) передала, а Л., действующий в своих интересах, принял в счет погашения долга право на полученное от отца наследство истца. Полномочия и дееспособность сторон, соответствие договора передачи прав требованиям законодательства Испании проверены нотариусом при нотариальном удостоверении договора.

Л. считал, что истец одобрила сделку, не оспаривала отчуждение своих прав на наследство, просил суд: признать за ним право собственности на 1/8 доли денежных средств счета-1; признать за ним право собственности на 1/8 доли денежных средств счета-3.

Истец возражала. Указала, что заявлен иск о признании договора незаключенным, поскольку он подписан неуполномоченным на совершение сделки лицом.

Суд производство по делу прекратил, поскольку любые иски о вещных правах, включая иски о наследственных правах на объекты недвижимого имущества, находящегося на территории Королевства Испании, подлежат рассмотрению судом данного государства. Суд РФ некомпетентен рассматривать требования о вещных правах в отношении недвижимого имущества, находящегося на территории Королевства Испании.

Оценив доказательства в совокупности, суд первой инстанции не нашел правовых оснований для удовлетворения требований истца О., поскольку счет-1 и счет-2 включены в состав наследственной массы с учетом поправок на основании отчета банка о закрытии срочного вклада (счет-3). Доказательств наличия у наследодателя на момент смерти счета-3 в банке не представлено. Копия фискального документа - свидетельство о наличии оставшихся после смерти денег Б. на счете-3 - не отвечает принципам относимости и допустимости: не заверена надлежащим образом и опровергается сведениями заверенного отчета банка. О спорном счете-3 нет сведений в нотариальных актах, отчете и сообщении банка.

Суд отклонил и требования третьего лица. Л. не представил доказательств принятия истцом наследства. Из представленного документа не следует, какая часть наследства, с какого счета либо в счет какого имущества подлежит передаче Л. в пределах заявленной суммы долга, а также доказательств принятия О. наследства. Документ составлен в Испании, по ее законам имущество находится вне пределов РФ, выбор страны и права, подлежащего применению при заключении соглашения, принадлежал сторонам (в соответствии со ст. 1211 ГК РФ).

В 2018 г. истец обратилась с иском в отношении счета в Швейцарии. Решением райсуда требования о включении в состав имущества/доли денег на счетах в Швейцарии, открытых на имя супруги наследодателя и признании за истцом права собственности на 1/8 долю денег счета, удовлетворены. Суд признал, что спорное имущество приобретено супругами в браке, являлось совместной собственностью на момент смерти Б., несмотря на оформление на супругу. Жалобы ответчиков суд оставил без удовлетворения»[16].

Еще один спор касается недостойного наследника «Истец Б. обратился с иском о признании ответчика Н. недостойным наследником умершей В. в 2018 г., считая, что Н. противоправными действиями уменьшил наследственную массу.

Б. - наследник по закону первой очереди (брак зарегистрирован за 2 недели до смерти В.) в срок обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства после смерти супруги. Ответчик Н. - наследник по завещанию.

В наследственную массу входит имущество: квартиры. В выдаче свидетельства о праве на наследство по закону на имущество наследодателя истцу было отказано.

Из удостоверенного завещания В. следует, что она завещает квартиры Н.

В мае 2022 г. судом Барселоны постановлено решение по иску вдовца к Н. По мнению истца, решением подтверждено, что Н. незаконно завладел недвижимостью умершей, пытаясь ввести в заблуждение правоохранительные и судебные органы Испании.

Кроме того, установлены факты недобросовестности со стороны Н. и судебными разбирательствами в Сальском горсуде с обжалованием в вышестоящих судах, которые являются основанием для признания Н. недостойным наследником.

Решением суда установлено, что при жизни В. оформила на Н. доверенность на право управления и распоряжения авто, однако отменила ее в связи с утратой доверия. Несмотря на отмену доверенности, Н. получил дубликат ПТС и продал авто.

Решением суда договор купли-продажи авто признан недействительным, авто истребовано из чужого незаконного владения, за Б. признано право собственности на авто в порядке наследования по закону, но определением облсуда решение отменено, принято новое, которым в удовлетворении требований Б. отказано в связи с пропуском срока исковой давности.

Суд апелляционной инстанции пришел к обоснованному выводу об отказе в удовлетворении исковых требований в связи с пропуском срока исковой давности, так как истцу было известно о нарушении прав В. на спорный авто при жизни В. (ездили в Испанию, где обращались в полицию с заявлением о неправомерном удержании авто). Сведений об уважительных причинах срока исковой давности не представлено. Четвертый КСОЮ (8Г-28761/2021) согласился с мнением суда апелляционной инстанции.

Истец в обоснование иска ссылается, что в суде Барселоны Н. заявил, что владел квартирой еще до смерти В., занял ее по праву наследования имущества, факт права собственности на жилье истца отрицал.

В суде Н. пояснил, что обращался с В. как с матерью, у него были генеральные доверенности на все квартиры, которые она оформляла, а он сдавал их туристам. Пояснил, что решение суда в Испании обжалуется, неправомерных действий он не совершал.

Оценив доказательства в совокупности, учитывая, что Н. - наследник по завещанию, в котором указано конкретное имущество, суд приходит к выводу, что он не мог увеличить причитающуюся ему долю наследства.

Сделка купли-продажи авто совершена Н. в 2016 г., наследодатель умерла намного позже после сделки. Так как достоверных доказательств неправомерных действий Н. истцом не представлено, нет оснований для удовлетворения иска»[38, с. 24].

Сложность этой категории дел обусловлена многими проблемами: от необходимости применения международных договоров, "установления содержания иностранного права", квалификации юридических понятий (последнее место жительства, недвижимое и движимое имущество) до их высокой эмоциональности.

2.3 Особенности правового регулирования наследования в международном частном праве

Трансграничные отношения в области наследования «являются одними из самых сложных с позиции их правового регулирования при помощи норм международного частного и применимого материального права. При этом, как отмечают специалисты, международные наследственные дела составляют практически половину дел из всей совокупности дел, встречающихся в нотариальной практике»[18].

Укажем, что фактически во всех развитых государствах иностранцы пользуются национальным режимом в сфере наследственных прав, хотя в некоторых случаях и некоторых странах не исключается применение принципа взаимности (например, штат Калифорния США).

Национальный режим для наследников — граждан стран Содружества Независимых Государств закреплён в ст. 44 Минской конвенции СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» 1993г., согласно которой «граждане каждой из Договаривающихся Сторон могут наследовать на территориях других Договаривающихся Сторон имущество или права по закону или завещанию на равных условиях и в том же объеме, как и граждане данной Договаривающейся Стороны». При этом возможны изъятия из национального режима (например, в связи с наследованием иностранцами земельных участков на приграничных территориях или сельскохозяйственных земель)»[46, с. 45].

Основные проблемы правового регулирования международных наследственных отношений могут быть в целом сведены к двум группам.

«Первая группа возникающих в данной связи проблем вызвана различиями в материально-правовом регулировании вопросов наследования и обусловлена национальными историческими, культурными, религиозными и иными традициями и обычаями, имеющими существенные различия в государствах. Иными словами, материальные частноправовые нормы,

регулирующие наследственные правоотношения, в основе которых лежат различающиеся национальные традиции и обычаи, в странах не совпадают, т.е. наследственные правоотношения имеют неодинаковое в государствах материальное правовое регулирование.

Так, различные правовые системы неодинаково подходят к пониманию института наследования. Например, в России, Франции и других континентальных странах наследование, по общему правилу, понимается как вид универсального правопреемства, в то время как в странах общего права наследование означает ликвидацию имущества наследодателя, которая осуществляется путем процедуры администрирования его имущества, по завершении которой оставшееся имущество передается наследникам по завещанию или по закону»[20].

Трансграничные правоотношения «возникают в связи с открытием наследства, основанием которого является смерть наследодателя или объявление его умершим. Видами международного наследования, равно как и внутреннего наследования, выступает наследование по закону и по завещанию. Как отмечается в доктрине, наследование по завещанию и в континентальном праве, и в общем праве основывается на сочетании принципов свободы завещания и охраны интересов семьи. При этом в ряде континентальных стран известно понятие обязательной доли, ограничивающее свободу завещателя в пользу членов семьи наследодателя, в то время как в странах общего права такое понятие неизвестно.

Различными в государствах являются формы завещания. Так, помимо традиционной письменной формы завещания, собственноручно подписанного завещателем и удостоверенного уполномоченным органом, в некоторых странах выделяют также тайные и совместные завещания, а также наследственные договоры, завещания в электронной форме и т.д.»[46, с. 45].

Правовое регулирование наследования по закону в странах тоже различается.

На территории некоторых стран, в частности, «ФРГ и Швейцарии, порядок призвания родственников к наследованию регулируется в соответствии с системой «парантелл». В других странах также существует очередность наследников (например, разряды во Франции), содержание которых в странах не совпадает. Неодинаково в государствах определяются наследственные права пережившего супруга: например, в Бельгии и Германии он имеет обязательную долю; в России и Швейцарии он имеет право на половину общего имущества супругов; во Франции переживший супруг имеет право на пользование и получение дохода (узуфрукта) от всего наследственного имущества, или, при наличии общих с наследодателем детей, на 1/4 доли в праве собственности на наследство. При этом большинству государств известно понятие недостойного наследника.

Вторая группа проблем, возникающих в сфере международного наследственного права, вызвана теми же национальными историческими, культурными, религиозными и т.п. различиями, которые ведут к различиям в национальном коллизионно-правовом регулировании международных наследственных отношений. Неодинаковый подход государств к содержанию коллизионных норм при решении вопросов, связанных с международным наследованием, может приводить к различным материально-правовым результатам при рассмотрении международного наследственного спора тем или иным правоприменительным органом, применяющим те или иные коллизионные нормы. В данном случае могут возникнуть коллизии коллизий, проблемы обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства, предварительного и побочного коллизионного вопроса и т.д.»[46, с. 47].

Международно-правые нормы, «регулирующие международные наследственные отношения, устанавливают наследственный статут. В

законодательных актах государств и международных конвенциях обычно отсутствуют перечни вопросов, регулируемых наследственным статутом. Исключением в этом плане является, например, Закон Швейцарии о МЧП 1987 г., согласно которому право, применимое к наследованию, определяет, из какого имущества наследство состоит, как и в какой очередности лица вступают во владение имуществом, кто и в какой части отвечает по долгам, происходящим из наследства.

В целом, как отмечается в российской доктрине, статут наследования (*lex successionis*) определяет решение как общих вопросов наследования (основания перехода имущества по наследству, состав наследства, условия открытия наследства, круг лиц и др.), так и специальных вопросов, касающихся наследования по определенным основаниям: на основании закона, по завещанию, в порядке наследственного договора и т.д. При этом из наследственного статута традиционно исключаются вопросы, связанные с формой завещания, способностью лица к составлению завещания и актом его отмены»[46, с. 47].

С аспектов «международного частного права международное наследование подчиняется одной из двух систем коллизионного правового регулирования.

Во-первых, универсальная система международного наследования, которая предусматривает единство наследственного статута и применимого права. В соответствии с данной системой вся совокупность имущества, включаемого в наследственную массу, подчиняется единому закону вне зависимости от того, где оно находится. Основная проблема в данном случае состоит в том, какому единому закону подчинить данные отношения. Например, в соответствии со ст. 78.1 Кодекса МЧП Бельгии, наследование регулируется правом страны, на территории которой умерший имел постоянное место жительства в момент своей смерти». В Германии наследственные отношения подчинены закону гражданства наследодателя,

но если недвижимость находится в Германии, наследодатель может выбрать немецкое право. В некоторых странах (например, Уругвае) таким единым законом является закон страны места нахождения имущества.

Из универсальной системы международного наследования исходит ст. 21 Регламента ЕС № 650/2012 от 4 июля 2012 г., согласно которой «если иное специально не предусмотрено настоящим Регламентом, правом, применимым ко всем вопросам наследования в целом, является право государства, в котором покойный имел место постоянного жительства на момент смерти». При этом в тех случаях, когда, в виде исключения, из обстоятельств дела ясно, что на момент смерти покойный был более тесно связан с государством, иным, нежели то государство, право которого было бы применимым в соответствии с указанным правилом, правом, применимым к наследованию, является право того другого государства»[46, с. 48].

Необходимо указать, что «в ЕС единый наследственный статут может быть избран наследодателем из предложенных законодателем коллизионных привязок, указанных в п. 1 ст. 22 Регламента ЕС № 650/2012. Согласно ему лицо может выбрать в качестве права, регулирующего вопросы его наследования в целом, право того государства, гражданство которого оно имеет на момент совершения выбора или на момент смерти. Если лицо имеет более одного гражданства, оно может выбрать право любого из государств, гражданство которого оно имеет на момент совершения выбора или на момент смерти.

Во-вторых, отдельная система международного наследования, предусматривающая разделение наследственного имущества и применимого права в зависимости от деления имущества на движимое и недвижимое. Данной системы придерживаются, в частности, Англия, США, Россия, Франция. Следуя данной системе, наследование движимого имущества регулируется личным законом наследодателя (законом места его жительства

или его гражданства), а наследование недвижимого имущества — законом его местонахождения.

Раздельная система международного наследования предусмотрена в том числе в ст. 1224 Гражданского кодекса РФ. В доктрине справедливо обращается внимание на то, что указанная статья представляет собой классический пример расщепления коллизионной нормы, предусматривающей возможность одновременного применения в делах международного наследования по закону трех коллизионных привязок. В соответствии с указанной статьей наследование движимого имущества подчиняется привязке к закону последнего места жительства наследодателя; наследование недвижимого имущества подчинено закону страны его места нахождения; наследование недвижимого имущества, внесенного в государственный реестр РФ, — российскому праву»[46, с. 49].

Отдельными коллизионными привязками регулируются вопросы, касающиеся способности лица к составлению завещания и формы завещания.

Устранить «различия правового регулирования вопросов международного наследования могла бы универсальная унификация норм международного частного права в данной сфере, однако не совпадающие по своему содержанию национальные исторические, культурные и иные традиции и обычаи, о которых было сказано выше, ведут к тому, что государства не стремятся ни к материально-правовой, ни даже к коллизионно-правовой универсальной унификации норм международного наследственного права.

И, несмотря на то, что в данной сфере принят ряд международных конвенций, успешной в данной сфере универсальную унификацию признать вряд ли возможно, поскольку одни конвенции не вступили в силу, в то время как другие имеют незначительное число участников.

Примерами таких конвенций могут служить: Гагская конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений, 1961 г.; Базельская конвенция о создании системы регистрации завещания 1972 г.; Вашингтонская конвенция о единообразном законе относительно формы международного завещания 1973 г.; Гагская конвенция относительно международного управления имущества умерших лиц 1973 г. и т.д.

Россия не является участницей универсальных конвенций в данной сфере.

Сказанное подчеркивает тот факт, что в настоящее время основным методом правового регулирования международного наследования, с позиции международного частного права, в государствах, в том числе в РФ, продолжает оставаться коллизионно-правовой метод при помощи национальных коллизионных норм права, использование которых является достаточно сложным и может вести, как было сказано, к различным материально-правовым результатам в зависимости от места рассмотрения спора.

Более успешной в связи с этим выглядит региональная унификация международного наследственного права. И одним из ярких примеров служит Кодекс Бустаманте 1928 г., принятый странами Латинской Америки, в котором статьи 144—163 посвящены вопросам наследования»[46, с. 49].

Как справедливо отмечает А.О. Иншакова, «успех данного документа объясняется особым этническим и религиозным единством участников Конвенции»[20].

В ЕС действует Регламент ЕС № 650/2012, о котором было сказано выше и который содержит материально-правовые и коллизионные нормы, посвященные наследованию.

Российская Федерация является участницей Минской конвенции СНГ О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и

уголовным делам 1993 г., в которой содержатся коллизионные нормы по международному наследованию. Кроме того, в ряде двусторонних договоров России (СССР) о правовой помощи также содержатся коллизионные нормы, посвященные международным наследственным отношениям.

В Минской конвенции СНГ 1993 г., равно как и в ГК РФ, для регулирования международных наследственных отношений предусмотрено расщепление коллизионной нормы: наследование движимого имущества регулируется законом договаривающейся страны, на территории которой наследодатель имел последнее постоянное место жительства; наследование недвижимого имущества подчиняется закону страны его нахождения (ст. 45).

При этом, в отличие от Минской конвенции СНГ 1993 г., в соответствии, например, со ст. 32 Договора о правовой помощи между СССР и Республикой Болгарией наследование движимого имущества подчиняется законам договаривающейся страны, гражданином которой был наследодатель в момент смерти»[46, с. 50].

Немаловажным при регулировании международных наследственных отношений является вопрос о форме завещания.

В частности, «Гаагская конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений, 1961 г. содержит коллизионные нормы, при помощи которых определяется формальная действительность завещания (ст. 1). Следуя ей, завещательное распоряжение считается действительным с точки зрения формы, если его форма соответствует одному из законов: внутреннему законодательству места составления завещания; закону гражданства завещателя во время осуществления распоряжения либо во время смерти; законодательству обычного местожительства завещателя во время осуществления распоряжения или во время смерти; для недвижимости — законодательству места ее нахождения.

Вашингтонская конвенция о единообразном законе относительно формы международного завещания 1973 г. предусматривает создание Единообразного закона о форме международного завещания. В соответствии со ст. 1 Единообразного закона завещание является действительным по форме, независимо от места его составления, местонахождения имущества, гражданства, постоянного или временного местожительства и места проживания завещателя, если оно составлено в форме международного завещания, предусмотренного Единообразным законом.

Однако этот Закон не применяется к форме завещательных распоряжений, составленных двумя или более лицами в виде одного документа. Международное завещание составляется в письменной форме, оно не обязательно должно быть написано самим завещателем и может быть написано на любом языке, от руки или любым другим способом.

Идея создания международного завещания была поддержана в Европейском Союзе при создании Регламента ЕС № 650/2012, который предусматривает создание Европейского свидетельства о наследстве (ст. 62). Указанное Свидетельство выдается для использования на территории ЕС и имеет юридическую силу в соответствии с Регламентом. При этом использование Свидетельства не является обязательным, и оно не заменяет документы, используемые в аналогичных целях внутри государств — членов ЕС.

Свидетельство предназначено для наследников, отказополучателей, имеющих прямые права на имущество, а также исполнителей завещаний и попечителей над наследственным имуществом, которым на территории другого государства ЕС требуется признание их статуса или осуществление их прав как наследников или отказополучателей и / или их полномочий как исполнителей завещаний или попечителей над наследственным имуществом, соответственно. Свидетельство выдается судом или иным органом, компетентным рассматривать вопросы наследования (ст. 64)»[46, с. 50].

В рамках «интеграционных объединений с участием России пока не создано унифицированных документов по международному наследованию, аналогичных тому, что имеет место в ЕС, что выглядело бы желательным.

В свое время СССР подписал, но не ратифицировал Вашингтонскую конвенцию, предусматривающую Единообразный закон о международном завещании 1973 г.

В настоящее время в СНГ вопросы, касающиеся формы международного завещания, равно, как и способности лица к составлению завещания, регулируются в рамках Минской конвенции СНГ О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., в которой предусмотрены соответствующие коллизионные нормы.

Согласно ст. 47 Конвенции (равно, как и п. 2 ст. 1224 ГК РФ) способность лица к составлению завещания, а также форма завещания и его отмена регулируются законом страны, на территории которой завещатель имел место жительства в момент составления завещания. При этом завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие формы, если они удовлетворяют закону страны его составления.

В соответствии с п. 2 ст. 1224 ГК РФ форма завещания помимо указанных привязок в качестве альтернативы может подчиняться российскому праву. Что касается двусторонних договоров о правовой помощи нашей страны, то если обратиться к ранее приводимому Договору между СССР и Болгарией, в нем вопрос, касающийся способности лица к составлению завещания, регулируется законом страны, гражданство которой имел завещатель в момент составления завещания. Форма завещания в соответствии с указанным Договором может быть подчинена: закону государства, на территории которого завещание или акт его отмены были составлены; закону страны гражданства наследодателя в момент составления

завещания или в момент смерти; закону государства, на территории которого наследодатель в один из указанных моментов проживал или где он пребывал (ст. 34)»[46, с. 50].

«Идея международной согласованности решений была разработана Ф.К. фон Савиньи и заключается в том, что правовые отношения, осложненные иностранным элементом, должны получать одинаковую оценку вне зависимости от того, в каком государстве принимается решение по делу. Отношение к данной идее изменялось от признания основной целью международного частного права до полного отрицания как романтической утопии, однако в настоящее время она прочно занимает свое место в ряду руководящих принципов европейского права.

В качестве минимально необходимой степени реализованности принципа согласованности может быть рассмотрено положение, при котором суды России и Германии, разрешающие дела, касающиеся наследования после одного и того же лица, принимают решения, совместимые по своим правовым последствиям, т.е. не взаимоисключающие друг друга.

При этом совместимые не значит одинаковые. Так, например, решение о признании завещания недействительным и решение о признании лица наследником на основании данного завещания, вынесенные в разных юрисдикциях, вступают в прямое противоречие и неприемлемы с точки зрения международной согласованности, поскольку приводят к возникновению хромающих отношений, в то время как принятие решений о признании лица наследником по завещанию, но в разных по размеру долях все же менее негативно, так как с точки зрения обеих юрисдикций за лицом признается одинаковый статус»[19, с. 70].

Практика «ЕС свидетельствует о том, что наряду с данной мерой важную роль играют универсальность коллизионной системы, а также международная компетенция и признание решений.

Так, в пределах ЕС одно и то же право применяется при наследовании как движимого, так и недвижимого имущества. При этом производства по всем наследственным вопросам, касающимся правопреемства после смерти одного и того же лица, а также по смежным вопросам о режиме имущества супругов, концентрируются в судах одной юрисдикции (ст. 4 и след. Регламента N 650/2012 от 4 июля 2012 г.; ст. 4 Регламента N 2016/1103 от 24 июня 2016 г.). Данное положение дополняется широким признанием решений как по наследственным, так и по иным гражданским делам, а также механизмом *lisalibipendens*, что в совокупности позволяет существенно снизить риск вынесения несовместимых решений.

Правовое регулирование российско-немецких наследований значительно отличается от внутри европейского. Помимо того, что между странами действует раздельная коллизионная система и отсутствует однозначная и устоявшаяся практика взаимного признания решений, как российские, так и немецкие суды наделены широкой международной компетенцией (ст. 402, 403 Гражданского процессуального кодекса РФ; ст. 4 и след. Регламента N 650/2012 от 4 июля 2012 г.). Как следствие, к решению наследственных вопросов после смерти одного и того же лица (как тождественных, так и смежных) зачастую могут оказаться причастны суды обеих юрисдикций»[19, с. 70].

Здесь «значение приобретает то, что в силу ряда факторов (применение разного права к отдельным частям наследственной массы, отличия между национальными коллизионными системами и процессуальным правом, особенности правопонимания и т.д.) многие переломные для наследования вопросы решаются российскими и немецкими судами по-разному (квалификация правовых институтов, определение права, применимого к предварительным вопросам, состыковка права разных государств при расщеплении применимого статута и др.). Как результат, в широком перечне случаев судами могут быть приняты решения с взаимоисключающими

правовыми последствиями, т.е. не обеспечивается даже минимальная их согласованность.

При этом, если рост числа российско-немецких наследований представляет собой ближайшую перспективу, то меры, аналогичные тем, что действуют внутри ЕС, вряд ли могут быть оперативно и в полном объеме реализованы в отношениях между Россией и Германией.

С одной стороны, на фоне недостатка доверия, который сохраняется между правовыми системами, международная согласованность призвана стать скорее не следствием, а условием для начала взаимного признания решений. С другой стороны, с учетом географической удаленности, а также того, что трансграничные наследования все чаще становятся уделом граждан со средним достатком, малоподходящей представляется концентрация наследственных производств в одной из двух юрисдикций, так как она способна негативно сказаться на доступности правосудия. При этом уменьшению риска принятия несовместимых решений мог бы способствовать переход России к универсальной коллизионной системе, а также отказ от чрезмерных оснований юрисдикции, однако данные меры требуют существенного пересмотра законодателем применяемых подходов»[19, с. 71].

В связи с обозначенными ограничениями актуальным становится вопрос о возможностях повышения международной согласованности судебных решений в условиях действующего правового регулирования. Как правило, взаимоисключающие решения обусловлены отличиями в рассмотрении наследственных дел российскими и немецкими судами, поэтому необходимой видится минимизация данных отличий в "безболезненных" для обеих юрисдикций пределах».

Стоит отметить, что в нынешнем законодательстве не упоминается и не раскрывается термин «наследственный статут», а, соответственно, не

закреплен комплекс составляющих его вопросов. Между тем в теории эта категория упоминается, а в ее содержание входят состав наследства, условия его открытия, объем долей в имуществе наследодателя, очередность наследников. Такое положение дел свидетельствует о плохой проработанности в законе аспектов наследования с иностранным элементом. Исходя из этого можно резюмировать, что ст. 1224 ГК РФ в недостаточной степени приводит коллизионные положения, призванные упорядочить трансграничное наследование.

Таким образом, сегодня в нашей стране не наблюдается тенденций для регламентации эффективной системы коллизионных привязок для регулирования трансграничного наследования, что следует считать существенным упущением. Специфика регулирования рассматриваемой области отражена в единственной ст. 1224 ГК РФ, а, соответственно, действующее законодательство нуждается в изменениях и дополнениях.

Заключение

«Иностранный элемент» в отношениях по наследованию способен проявляться в ряде признаков: наследуемое имущество расположено в пределах границ другого государства; один из субъектов правоотношения является иностранным гражданином либо апатридом, либо иностранной организацией, проживает не на территории государства своего гражданства; юридический факт, связанный с наследственными правоотношениями, произошел в пределах иной страны (в частности, наследодатель умер в другой стране, ребенок, чьи наследственные права отстаивались до его появления, родился на территории иной страны и др.).

В состав имущества наследодателя могут входить движимые и недвижимые вещи, имущественные права и обязанности. Расположение наследственного имущества в юрисдикции другой страны, еще не указывает на необходимость применения иностранного права, поскольку в коллизионном регулировании оно подлежит последующей квалификации. Исходя из того, к какой категории конкретное имущество будет отнесено, разрешится проблема выбора используемого законодательства.

Стоит отметить, что коллизионные наследственно-правовые положения вызваны несколькими комплексами факторов.

В первую очередь, законодательными коллизиями, по-разному регламентирующими аспекты наследования по закону. Здесь коллизионным правилам необходимо разрешить коллизии по поводу используемого права. В частности, установление наследников, процесс их вхождения в процедуру наследственного правопреемства, гарантии имущественного положения ряда категорий граждан, выделение обязательных долей. Следующими являются коллизии, касающиеся наследования по завещанию. Здесь коллизионными нормами необходимо урегулировать аспекты наследственной

дееспособности, формы, содержания завещания, его недействительности. Наконец, еще одна группа коллизий существует в связи с различным регулированием аспектов наследования недвижимых и движимых вещей.

В процессе регулирования трансграничных отношений в сфере наследования многие проблемы связаны с тем, что квалификация объектов, входящих в состав наследства, происходит неоднозначно. В частности, одни и те же объекты могут по законодательству одной страны относиться к движимым, а по законодательству другой страны – к недвижимым. По нашему мнению, недвижимыми следует признавать только те, объекты, что обладают «тесной связью с землей». Именно этот критерий должен лежать в их разграничении. В связи с этим видится целесообразным исключить абз. 2 ч. 1 ст. 130 ГК РФ. Это не только упростит порядок наследования, в котором присутствует иностранный элемент, но и предотвратит ведущиеся долгие годы среди российских цивилистов споры по поводу критериев разделения имущества на виды.

Несмотря на то, что вопросам избрания компетентного правопорядка, регламентирующего трансграничные отношения в сфере наследственного правопреемства, в международно-правовой науке уделялось немало внимания, по сей день не существует общепринятых подходов для обнаружения наиболее оптимальных параметров коллизионной привязки в соответствующей сфере.

В качестве источников нормативной регламентации отношений с иностранным элементом в сфере наследования, выступают универсальные конвенции, соответствующие международные соглашения, среди которых важное значение отведено двусторонним документам, внутреннее коллизионное законодательство разных стран. Нормативное регулирование исследуемой сферы весьма обширно, однако, это не устраняет актуальных проблем, в связи с которыми оперативное урегулирование спорных моментов, касающихся использования норм определенного правопорядка,

оказывается затруднительным. Например, при наличии между странами двустороннего соглашения проблематика заключается в том, что в наследственном производстве могут быть задействованы правовые порядки иных стран, а, соответственно, эффективность заключенного межгосударственного акта, утрачивается. Трансграничные конвенции универсального характера были бы способны урегулировать главные проблемные моменты, распространенные на практике, однако по сей день в соответствующей сфере международного права не выработано таких документов, которые были бы ратифицированы большим количеством государств. Внутренние законодательства стран базовые вопросы трансграничного наследования регулируют чаще всего весьма поверхностно и неоднозначно. В связи с этим, когда в наследственных правоотношениях появляется иностранная составляющая, актуализируется широкий комплекс вопросов, касающихся толкования таких положений и их последующего использования уполномоченными структурами иных государств.

Чтобы не допустить распространение на переход по наследству недвижимого и движимого имущества нескольких правовых порядков в процессе раздела наследственного имущества, и в целях устранения проблем, связанных с формой завещания, в ГК РФ целесообразно закрепить положение о том, что российский гражданин в завещании правомочен указать страну, закон которой он намерен распространить на наследование его имущества.

Для устранения многих проблем, касающихся использования зарубежного правового порядка при появлении конфликта в рассматриваемой сфере, необходимо развивать соответствующее международное частное законодательство. На сегодняшний момент требуется выработка таких унифицированных трансграничных правил, которые были бы приемлемы для большинства государств, что позволило бы защитить права и интересы наследодателей и наследников, упростило работу компетентных

национальных органов по ведению наследственных дел. В частности, признание на межгосударственном уровне общей формы завещаний, обеспечивало бы ускоренное их признание завещаний. В свою очередь, трансграничная конвенция, устанавливающая компетенцию органов, рассматривающих дела в сфере наследования, могла бы устранить столкновение компетенций и облегчить деятельность нотариусов. В то же время, призывание стран к ратификации уже имеющихся унифицированных актов в целях ликвидации актуальных проблем в сфере трансграничного наследования, видится необоснованным, поскольку в нынешних редакциях данные акты интересы многих государств оставляют без внимания.

Вполне вероятно, что сегодня сложно четко определить единый способ решения проблем трансграничного наследования, поскольку институт наследования, берущий истоки с древних времен, во многих странах обладает национальным характером, особыми свойствами, обусловленными ценностями конкретного общества и государства. В этой связи, самим гражданам необходимо учитывать правовые реалии, и в целях минимизации проблем правопреемства, с которыми предстоит столкнуться будущим наследникам, использовать планирование в рассматриваемой сфере отношений.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абраменков М.С. Проблемы коллизионно-правового регулирования наследственных отношений в современном международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
2. Алексеевская А. Наследство за рубежом - анализ проблем // Жилищное право. 2022. N 7. С. 5 - 12.
3. Аникина Г.В. К вопросу о правовом регулировании постмортальной репродукции // Наука. Общество. Государство. Электронный научный журнал. 2013. N 2.
4. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М., 2017. С. 206 - 207.
5. Ахрамеева О.В. Унификация и гармонизация института наследования // Нотариус. 2018. N 7. С. 357.
6. Апелляционное определение Суда Еврейской автономной области от 23.01.2015 по делу N 33-5/2015 // СПС КонсультантПлюс.
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.01.2018 по делу N 33-2712/2018 // СПС КонсультантПлюс.
8. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 05.02.2019 по делу N 33-1246/2019 // СПС КонсультантПлюс.
9. Баринов Н.А., Блинков О.Е. Наследование в международном частном праве и сравнительном правоведении // Наследственное право. 2013. N 1.
10. Богуславский М.М. Международное частное право: учеб. - 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М., 2016. 672 с.
11. Борисова А.Н. Доктрина обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства (RENOVOI): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия, 2008.
12. Войтович Е.П. Наследование обязательной доли в международном частном праве // Наследственное право. 2018. N 3. С. 42 - 46.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // "Российская газета", N 238-239, 08.12.1994.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)" от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // "Российская газета", N 233, 28.11.2001.
15. Гражданский кодекс Республики Армения // http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus#G4
16. Дело N 33-17449/2022 от 16.05.2022 (Московский городской суд) на решение (апелляция) по делу Хорошевского районного суда от 4 декабря 2018 года N 2-4331/2018. <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/5d8e1730-d0f9-11ec-84a6-e1f66988be9b?ysclid=m1jq17ugbm658624941>; Дело N 02-1254/2021 от 24.02.2021 (Мещанский районный суд). <https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/civil/details/e4125b21-54c9-11eb-a2d0-e5f87c6fef3b?ysclid=m1jpnrml1k529216716>
17. "Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам" (подписан в г. Москве 19.02.1975) // "Ведомости ВС СССР", 25.02.1976, N 8, ст. 133
18. Дударев А.В., Хамидулина АА. Международные аспекты реализации права на наследование имущества // Наследственное право. 2008. № 4 // СПС «Консультант Плюс»
19. Зазулина Л.Д. Обеспечение международной согласованности решений как проблема трансграничного наследования (на примере России и Германии) // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 8. С. 70 - 71.
20. Иншакова А.О. Наследственные правоотношения в международном частном праве // Наследственное право. 2012. № 1 // СПС Консультант Плюс.

21. Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве. М.: Юридический дом "Юстицинформ", 1998.
22. Канашевский В.А. Международное частное право. 4-е изд. - М.: Международные отношения, 2019. С. 839.
23. Конвенция, предусматривающая единообразное право в отношении формы международной воли (1973 г., Вашингтон). URL: <https://www.unidroit.org/361-instruments/successions-convention-washington-1973/157convention-providing-a-uniform-law-on-the-form-of-an-international-will-1973-washington>.
24. Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений // Международное частное право: сб. документов. -М.: Изд-во БЕК, 1997.
25. Конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц // Международное частное право: сб. документов. -М.: Изд-во БЕК, 1997.
26. Конвенция о единообразном законе о форме международного завещания, подписанная в Вашингтоне 26.10.1973 года // СПС КонсультантПлюс.
27. Кодекс международного частного права. Кодекс Бустаманте 1928 года // Международное частное право: сб. документов. М.: Изд-во БЕК, 1997.
28. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (с изм. на 28 марта 1997 г.) // СЗ РФ. - 24.04.1995. - № 17; Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.
29. Ларина Т.Ю. Коллизионное правовое регулирование наследственных отношений в международном частном праве // Образование и право. 2023. № 3. С. 56-60.
30. Лебедева М.Л., Лукашев И.А. Институт наследования Германии и России: компаративный анализ // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». -2015. - № 1. - С. 82 - 90.

31. Любимова М.Н. Некоторые проблемные аспекты выделения обязательной доли и трансграничного наследования недвижимого имущества // Нотариальный вестник. 2022. N 11. С. 48 - 54.
32. Медведев И.Г. Планирование международного наследования (Estateplanning) // Закон. 2009. № 1. С. 172 - 178.
33. Медведев И.Г., Ярков В.В. О некоторых проблемах разрешения международных наследственных споров // Закон. 2014. № 8. С. 58 - 69.
34. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: «Статут», 2012. С.672.
35. Мовсисян А.Т. Правовое регулирование наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, в России и Армении: дисс....кандид. юрид. наук: Москва, 2015. 213 С. 165.
36. Муртазалиева Ю.М. Наследование российскими гражданами имущества, находящегося за рубежом: проблемы и пути решения // Образование и право. 2023. № 4. С. 69-72.
37. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110 - 1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Е.Ю. Петров. М., 2018.
38. Новикова Т. Наследование с иностранным элементом. Споры // Жилищное право. 2023. N 12. С. 23 - 31.
39. Обобщение нотариальной и судебной практики применения ст. 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации "Право на обязательную долю в наследстве" // URL: <http://not-palata-sk.ru/wp-content/uploads/2017/02/016.pdf>.
40. Петров Е.Ю. Вопросы распределения компетенции при международном наследовании // Цивилистика. 2022. N 1. С. 68 - 77.
41. Петров Е.Ю. Наследственное право России: состояние и перспективы развития (сравнительно-правовое исследование). М., 2017. С. 54.

42. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. -URL: [http:// civil.consultant.ru/elib/books/ 16/page_74.html](http://civil.consultant.ru/elib/books/16/page_74.html). (дата обращения: 15.09.2024).
43. Регламент № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 4 июля 2012 г. «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании» // Официальный журнал Европейского Союза. 27.07.2012. N L 201, С. 107.
44. Рубанов А.А. Заграничные наследства. Отношения между социалистическими и капиталистическими странами. М., 1975. С. 121 - 122.
45. Самаилов Г.А. Современные законодательные и доктринальные проблемы коллизионного регулирования наследственного правопреемства, осложненного иностранным элементом: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: Москва, 2012. 25 с. С. 17.
46. Стригунова Д.П., Нодари Д.Э. К вопросу о правовом регулировании международных наследственных отношений // Государственная служба и кадры. 2021. N 2. С. 45-50.
47. Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: монография / отв. ред. Г.К. Дмитриева, М.В. Мажорина. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. С. 136.
48. Филимонова И.В. Проблемы правового регулирования постмортальной репродукции в семейном законодательстве России // Политика, государство и право. 2015. N 2.
49. Чшмаритян П.С. Отдельные вопросы регулирования трансграничного наследования по праву Соединенных Штатов Америки // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1.
50. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Введение. Общая часть. Особенная часть. Тула: Автограф, 2001.

51. European Court of Human Rights Grand Chamber Case of Vo v. France (application no. 53924/00) judgment (Strasbourg, 8.VII.2004). URL: <http://www.law.georgetown.edu/rossrights/docs/cases/vocomm.pdf>.
52. EU Succession Regulation No. 650/2012: A Commentary / Ed. by H.P. Pamboukis. NomikiBibliotheki; C.H. Beck; HartPub.; Nomos, 2017. P. 414 – 436.
53. Hecht v. Superior Court (Kane) (1993) 16 Cal. App. 4th 836 [20 Cal. Rptr. 2d 275]. URL: <http://www.lawlink.com/research>; The Court of Appeal of the state of California third appellate district. C055516 (Sup. Ct. No. 05PR01333). URL: <http://divorcedigestforum>.
54. Rechtsvergleichende Studie der erbrechtlichen Regelungen des Internationalen Verfahrensrechtes und Internationalen Privatrechts der Mitgliedsstaaten der Europäischen Union. S. 20 // Deutsches Notarinstitut (DNotI). Les Successions Internationales dans l'UE. 2017. № 2. P.29-31.
55. The Renvoi in Private International Law Berlingher Remus Daniel. URL: <http://www.wijssh.org/papers/196-G10028.pdf>.